

**ГЛЕБ
СКОРОХОВ**

Леонид

Утёсов

**ПЕСНЯ, СПЕТАЯ
СЕРДЦЕМ**

Наши кумиры

Глеб Скороходов

**Леонид Утесов. Песня,
спетая сердцем**

«Алгоритм»

2017

УДК 784.071.2 Утесов Л.
ББК 85.364.1(2)6-8 Утесов Л.

Скороходов Г. А.

Леонид Утесов. Песня, спетая сердцем /
Г. А. Скороходов — «Алгоритм», 2017 — (Наши кумиры)

ISBN 978-5-906947-26-0

Веселый и остроумный одессит Лазарь Вайсбейн родился в обычной немзыкальной семье, но всегда говорил: «Что же удивляться, что я люблю музыку, ведь я родился не где-нибудь, я родился в Одессе». Как только Лазарь стал выступать с сольными программами, он взял псевдоним — Леонид Утесов. И это имя стало известно всей стране. Пораженный работой американского джаз-оркестра Теда Льюиса, Лазарь 8 марта 1929 г. в Ленинграде дебютировал с театрализованной программой «Теа-джаз». Это был совершенно новый для эстрады того периода жанр. Утесов совмещал дирижирование с концерансом, танцами, пением, игрой на скрипке, чтением стихов. Музыканты разыгрывали разнообразные сценки между собой и дирижером. Леонид говорил: «Я пою не голосом — я пою сердцем», и его полюбил зритель всем сердцем. Но все ли в советской России поняли джаз Утесова? Кого знаменитый артист считал своими друзьями и кто действительно был ему другом? А кто был непримиримым врагом «певца джаза»? Любовь и ненависть, трудности и их преодоление, невообразимый успех и... Об этом и многом другом вы узнаете из книги известного телеведущего и киноведа Глеба Скороходова, которая приоткрывает дверь во внутренний мир Леонида Утесова.

УДК 784.071.2 Утесов Л.
ББК 85.364.1(2)6-8 Утесов Л.

ISBN 978-5-906947-26-0

© Скороходов Г. А., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Глеб Скороходов	7
Он пел сердцем	7
На эстраде, на пластинках и в кино	11
Иосиф Прут	25
Он был моим другом	25
Истории, рассказанные Утесовым	33
Аркадий Райкин	38
Вспоминая Утесова[1]	38
Владимир Этуш	50
Утесов, Дунаевский, Райкин и другие	50
Исаак Дунаевский	54
Диалог с конфликтом	54
Первая встреча	56
Куда повернуть джаз?	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глеб Скороходов Леонид Утесов Песня, спетая сердцем

© Скороходов Г.А., наследники, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Памяти Леонида Утесова посвящается

Слова Ф. Лаубе – Музыка Б. Фиготина

Жил да был на белом свете мастер.
Силою волшебною владел.
О любви, о мужестве, о счастье
Он всю жизнь не уставая пел.
Пел он сердцем, пел он вдохновенно,
Первым запевалой был в стране.
Сколько песен спел он довоенных,
Сколько песен спел он о войне!
Улыбался нам с киноэкрана,
Покорял любой концертный зал.
Песней и талантом неустанно
Жить и строить людям помогал.
Под Москвой гремела канонада,
Полыхала Курская дуга...
С нами шел вперед артист эстрады,
Помогая песней бить врага.
Пел он сердцем, пел он вдохновенно,
Первым запевалой был в стране.
Сколько песен спел он довоенных,
Сколько песен спел он о войне!
Пел он песню про заветный камень,
Пел и верил: будет враг разбит!
Плакал и смеялся вместе с нами
В День Победы Мишка-одессит.
Никогда и никакою вьюгой
След певца не будет замечен.
Был он нашим душевным другом,
Был частицей нашей жизни он.
Пел он сердцем, пел он вдохновенно,
Первым запевалой был в стране.
Сколько песен спел он довоенных,
Сколько песен спел он о войне!
Не забудем мы любимых песен
И черты знакомого лица.
Улица Утесова в Одессе
Через наши пролегла сердца.

Глеб Скороходов

Он пел сердцем

В конце 50-х годов поднялась непонятная волна переозвучивания фильмов, сделанных десять, а то и двадцать лет назад, – на студиях эту малопорядочную операцию стыдливо называли «восстановлением», хотя именно от восстановления она отстояла дальше всего. На экранах появились знакомые ленты с Раневской без голоса Раневской, с Жаровым без голоса Жарова, с Любезновым без голоса Любезнова. Странно, но зрители молчали – не били окон в кинотеатрах, не пикетировали Госкино.

И вот выходят «восстановленные» «Веселые ребята» – за Утесова в них пел другой актер. Нет, зрители и на этот раз ничего не били и не пикетировали, но справедливый шум, поднятый в прессе, был настолько мощным и оглушающим, что переозвученный вариант немедленно сняли с экрана и пустили прежний – с утесовским голосом.

Между прочим, актер, взявшийся петь за Утесова, как ни старался, не смог повторить его. Ни артистически, ни музыкально. Там, где Утесов легко брал высокие ноты, его дублер вынужден был прибегать к речитативу. Он на своем опыте убедился, что Утесов пел «без дураков».

На пластинках вместе с утесовским тенором часто слышится нежный голосок его дочери Эдит. Она начала с амплуа трагести – казалось, ей лучше всего удаются детские песенки. Но буквально в первый же год после прихода актрисы Театра имени Вахтангова в джаз Утесова возникает дуэт – Эдит и Леонид Осипович. Подобного наша эстрада в ту пору не знала. Герои этого дуэта вели диалог, которому оказались подвластны не только лирика, но и шутка, не только волнения сердца, но и юмор. Эти качества Эдит Леонидовна сумела сохранить и в тех песнях, что пела без отца.

Многие песни, которые пел Утесов, чуть ли не в день премьеры объявлялись нежелательными, что-то подрывающими, не туда уводящими и не то воспевающими. Цензура запрещала их, снимала с репертуара и изымала с пластинок.

Утесов стремился включать в свои джазовые программы мелодии народов нашей тогда огромной, многонациональной страны. «Если у американского джаза негритянский фольклор, то почему у нас не может быть грузинского, армянского или украинского?» – вполне резонно рассуждал он. И воплощал свои рассуждения в жизнь. Вся вторая программа Театра джаза, знаменательно названная «Джаз на повороте», целиком состояла из рапсодий, написанных И. Дунаевским на темы народных песен. В своих концертах Утесов пел «Будьте здоровы», обработанные для джаза белорусские народные куплеты, лирическую армянскую «Ласточку», трагическую грузинскую «Сулико», полного юмора «Дядю Элю», написанного в стилистике еврейских народных песен, и другие.

В первые годы работы Утесова с джазом проявилась его истая приверженность к так называемому блатному фольклору, имевшему у слушателей небывалый успех. Причины его явно не однозначны. Заподозрить причастность самого широкого зрителя к узким воровским кругам было бы глупо. Даже на концерте в Кремле, где Утесов пел для героев-летчиков, совершивших невиданный прежде перелет через Северный полюс в Америку, он трижды, на «бис» исполнил «С одесского кичмана». Быть может, в подобного рода песнях, как в никаких других, слушатели ощущали ничем не ограниченную свободу, которой им не хватало и в жизни, и в отредактированных, зашоренных, выдержанных по предписаниям «свыше» сочинениях композиторов и поэтов, боящихся то минора, то упадничества, то погружения в интим. Да и самого Утесова, видимо, привлекали в этих песнях непредсказуемость поступ-

ков их героев, их жизнь по своим, вольным законам, неформальные человеческие отношения.

Эту фотографию Леонид Утесов послал родителям в Одессу из Петрограда после его небывалого успеха в «синтетическом вечере-спектакле» 2 февраля 1923 года. На снимке надпись: «Дорогим папаше и мамаше от их „неудачного“ сына Лёди»

Нет, он не воспевал персонажей блатного мира, чаще всего давал этим песням ироническую трактовку, снимавшую воровскую романтику, а то использовал известные мелодии неведомых авторов для создания песен, отличающихся от первоначального замысла их неведомых авторов. Новые тексты ко многим, в прошлом блатным, сочинениям написал по просьбе Утесова в самом начале 30-х годов тогда начинающий поэт-песенник – «крокодилец» Василий Лебедев-Кумач. «Джаз-болельщик» или «У окошка» ничем не напоминают первоисточники – «Подруженек» или «Мурку».

По признанию самого Утесова, шаг, сделанный сразу после «Веселых ребят», для него самого явился абсолютно неожиданным. Всю жизнь считая себя комиком, но способным в особых обстоятельствах сделать и лирическое признание, он согласился на роль Кости Потехина как на продолжение комической биографии одноименного персонажа джаз-водевиля «Музыкальный магазин», с успехом играемого утесовским коллективом два сезона подряд – в 1931–1932 годах. Но на экране «Коровий марш», первоначально задуманный как потешный, превратился из эксцентрической песни-шествия в совсем иное произведение. «В „Марше веселых ребят“, – говорил Леонид Осипович, – все услышали совсем иные, принципиально новые для меня нотки – героической, гражданской лирики. После этого „Марша“ я почувствовал, что положение обязывает, и отважился включить в свой репертуар песни, еще недавно казавшиеся мне немыслимыми в моем исполнении, – „Каховку“, „Лейся, песня“ или „Балладу о неизвестном моряке“».

Не вдаваясь в подробности, заметим: Леонид Осипович нередко записывал одну и ту же песню несколько раз. Из-за больших тиражей матрицы утесовских песен быстро приходили в негодность, и для сохранения пластинки в действующем фонде Утесову приходилось ее заново напевать...

В утесовских обращениях к вариантам одной и той же песни, конечно, есть закономерности. Сказалась здесь и временная разница. Скажем, «Сердце», напетое в маленькой студии фабрики «Пластмасс», отстоит от известной первой записи 1935 года более чем на 15 лет. Утесов дал, по существу, новое прочтение одной из коронных вещей своего репертуара. И вообще он любил исполнять одну и ту же песню в разных трактовках. Знакомство с этими трактовками дает возможность еще раз убедиться в справедливости истины: у настоящего художника, каким был Утесов, каждое исполнение отлично от других, своеобразно и неповторимо.

Стоит только прочесть тексты двух-трех из них, как в памяти мгновенно возникает неповторимый утесовский тенор, мягкий и душевный, слышатся утесовские интонации, его характерные вздохи, что появляются в самые драматические моменты, и даже улыбка – оказывается, ее тоже можно услышать.

Речь здесь не об впечатлении личности певца на спетых им песнях – такое нередко случается, а об удивительном соединении личности Утесова с тем, что он пел на концертной эстраде или из патефона. Причем и сам-то музыковедческий термин «тенор» не очень подходит к Утесову. Правда, Леонид Осипович не то в шутку, не то всерьез всегда поддерживал эту версию. Помню, кто-то на его вечере в Доме актера громогласно заявил:

– Утесовский тенор знают во всех концах нашей необъятной Родины!

И Леонид Осипович тут жеотреагировал, как показалось, даже не улыбнувшись:

– Да, да, именно тенор! Как вы хорошо это заметили!

Только глаза его стали немного хитрыми...

Те, кто слушал утесовские песни, знали не тенор, а голос. Удивительный голос артиста, узнаваемый с первого звука. Голос, над которым столько издевались, само существование которого столь часто отвергали в различных статьях и рецензиях. Леонид Осипович не раз говорил с эстрады:

– О чем спорят? У меня нет голоса? Пусть так! *Я пою не голосом – я пою сердцем!*

На эстраде, на пластинках и в кино

С Утесова все и началось.

Я уже работал во ВГИКе и на занятиях со студентами-документалистами – будущими режиссерами, рассказал, как на Всесоюзной студии грамзаписи мне поручили составить три долгоиграющие диска-гиганта («гигантами» называют пластинки диаметром в 30 сантиметров), на которых можно разместить почти пятьдесят песен в исполнении Леонида Утесова. Песни эти в свое время, в 30-40-е годы были очень популярны, не забыты они и сейчас. Утесов спел их, когда иных пластинок, кроме хрупких, шипящих, вмещавших всего две песни – по одной на каждой стороне, еще не существовало. В эпоху расцвета долгоиграющих дисков открылась возможность старые записи переписать на магнитную пленку, реставрировать их и выпустить роскошным альбомом, подобным собранию сочинений. Альбом этот можно было бы снабдить многостраничным буклетом с биографией артиста, фотографиями, дискографией и т. д. Все щедро и фундаментально.

Желание осуществить прежде невиданное заглогло меня. Я с увлечением рассказал студентам о первых встречах с Утесовым, о том, как требовательно он отбирал песни для переиздания, отвергая одну за другой:

– У нас же не полное собрание сочинений, а только избранное. Так давайте брать лучшее!..

Несколько лет спустя один из тех, кто слушал мои рассказы, Алексей Гиганов, ставший уже дипломированным режиссером компании «Авторское телевидение» (изобретенная им «Будка гласности» в те годы гремела, вызывая восхищение!), предложил мне:

– А что если, Глеб Анатольевич, вы расскажете о тех людях, о которых говорили маленькой группе студентов, теперь уже не в аудитории, а с экрана телевизора и для нескольких тысяч зрителей?

– О ком же, Леша? Не пойму что-то? – удивился я.

– Ну, об Утесове, например. Или о Марике Рёкк...

Зерно было посеяно. Мы долго обхаживали его, думая, как лучше подать новую программу зрителям. Руководитель «АТВ» Анатолий Малкин и главный редактор этой студии Кира Прошутинская поддержали нас. Мы решили, что новая программа не станет еще одним дубликатом «говорящей головы», раскачивающейся за столом или на высоком стуле. Мы предложили вести рассказ с тех мест, где когда-то происходили события, связанные с героем передачи. Мест подлинных, сохранившихся до наших дней, свидетелей утраченного и зачастую незаслуженно забытого. И пусть ведущий, ведя реальные поиски утраченного, увлечет за собой зрителей, дав им почувствовать прошлое, как осязаемо существующее, до которого можно дотронуться рукой.

«АТВ» разрешило сделать несколько пробных выпусков, так называемых «пилотов». Первым среди них оказался рассказ о Леониде Утесове.

* * *

С Леонидом Осиповичем я познакомился давно. Еще во время производственной практики, будучи студентом факультета журналистики МГУ, в Доме звукозаписи я вместо того, чтобы прилежно сидеть за редакторским столом, бегал в студию «А» слушать, как записывает Утесов новые песни и среди них превосходную балладу Тамары Марковой «Москва-Париж». Меня тогда уже удивила требовательность Утесова к себе, как он безжалостно браковал вариант, если тот хоть чем-то не устраивал его, как не соглашался на «дописки».

– Вы спойте только последний куплет, – предлагал ему звукорежиссер, – ведь все остальное получилось хорошо. А там уж я смогу подмонтировать.

– Текст подмонтировать можно. Настроение – нельзя, – возражал Утесов и шел к микрофону, чтобы спеть всю песню заново.

Мы сошлись поближе, встречаясь чуть ли не ежедневно, когда я стал готовить тот самый альбом долгоиграющих дисков, избранное – «Леонид Утесов. 1929–1946», то есть песни, спетые почти за двадцать лет, с момента создания утесовского Теа-джаза по первый послевоенный год.

Песни эти я слышал с детства. Они восхищали мужественностью, сердечностью, обаянием человека, свободного от казенщины и официоза. Наверное, я не понимал это тогда.

Слушая утесовские пластинки на патефоне или радиоле, я представлял себе парня кудрявого, который грустит о любимой и, не стесняясь, говорит об этом. Или веселого человека, что живет в «озвученной квартире» и с ума сходит от музыки. Или ироничного рассказчика – он в узком кругу друзей (и тыходишь в этот круг) расскажет веселую историю о молодом учителе, укывшемся с любимой от дождя под одним плащом и не заметившего, что дождь прошел давно.

Утесов в своих песнях не призывал, не требовал, не наставлял. Он делился своим личным.

По радио эти песни не передавали. Они не походили на ежедневно звучащие «Мы все за мир!» или «Эту песню не задушишь, не убьешь...». И тогда-то, в конце сороковых, я и начал собирать утесовские пластинки. Хотелось собрать все, что он пел когда-то.

Утесов пригласил меня к себе, чтобы обсудить программу будущего комплекта. Он сидел в своем любимом мягком кресле, обитом мягкой кожей, и на вопрос, какие песни он хотел бы услышать переписанными на долгоиграющие диски, ответил:

– Лучшие, конечно.

Молодая семья Утесовых: Леонид и Елена с дочерью Эдит

Но почему-то быстро перевел разговор на другую тему, как бы забыв о цели моего визита. И тут я, может быть, впервые понял, какой блистательный Утесов рассказчик. Когда он говорит, перестаешь замечать время, забываешь об окружающем, только слушаешь.

Он рассказал об Одессе – городе своего детства, о родителях, о среднеобеспеченной еврейской семье, в которой вырос. Причем приводил такие точные детали, что ушедшее время воспринималось сегодняшним, реально существующим.

Он показал мне акварельные портреты своей дочери Диты, первой жены Елены Иосифовны и сказал:

– Какая она изумительная была женщина! Я изменял ей, да мы все, мужики, грешны перед своими избранницами.

Он был человеком, которому, как говорится, ничто не чуждо. Позже Тамара Маркова рассказала мне, как однажды, когда она принесла Утесову свою новую песню и в завязавшемся разговоре игриво заметила:

– Леонид Осипович, а, говорят, у вас романов было! Не счесть!

Утесов очень оживился:

– Тамарочка, ну сделайте милость, расскажите, о чем вы слышали?

– Ну, говорят, у вас был большой роман с Марией Владимировной Мироновой, – сказала Маркова.

– Большой роман? – удивился Утесов. – Ну какой же это роман? Это была брошюрка!..

А во время моего визита к Утесову Леонид Осипович заметил:

– Если бы вы знали, как Елена Иосифовна мудро поступила, когда узнала о моей измене! Нэп, двадцать первый год, на редкость морозная зима. Я работал в Театре оперетты, играл Бони в «Сильве», царя Менелая в «Прекрасной Елене» и безумно увлекся нашей примадонной. Увлёкся настолько, что несколько ночей не приходил домой, чего раньше со мной не случалось. И вдруг ранним утром раздаётся стук в дверь домика, где я ночевал – это там возле Тверской, за нынешним театром Ермоловой. Открываю дверь – на пороге возница, за ним – подвода, полная дров. И возница говорит:

– Елена Иосифовна просила передать эти дрова вам. Она очень беспокоится, что здесь в квартире холод и вы ненароком заболите.

– И вы знаете, – закончил Утесов, – в тот же вечер я уже был дома...

Мы снимали этот эпизод в кабинете Утесова, когда его дом бережно хранила вторая жена, вдова Антонина Сергеевна Ревельс. Много лет она проработала рядом с Леонидом Осиповичем, танцуя в программах его коллектива.

– Удивительно, – сказал я Антонине Сергеевне, – каждый раз, когда я прихожу в этот дом, возникает ощущение, будто Утесов жив, сейчас распахнется дверь, он войдет и сядет в это кресло.

– Мне каждый день такое кажется, – призналась Ревельс. – Утесов был особенным человеком. Когда он входил в комнату и начинал разговор, все расцветало, по-моему, даже неодушевленные предметы становились живыми. И все слушали его с замиранием сердца...

На подоконнике утесовского кабинета по-прежнему стоял далеко не первоклассный проигрыватель «Аккорд», на котором можно было слушать и старые, «обычные» пластинки, записанные со скоростью семьдесят восемь оборотов в минуту. Заметив, что я разглядываю этот музыкальный мастодонт, Утесов тогда, во время моего делового визита, спросил:

– Вы что, хотите что-нибудь послушать?

Я ответил:

– Если можно, «Гоп со смыком».

Эту пластинку я нигде не мог найти.

Утесов засмеялся, но снял с заветной полки диск с красной музтрестовской этикеткой. И я услышал, очевидно, самую скандально популярную утесовскую запись. Когда-то! Когда-

то скандально популярную. Сегодня эта «песня беспризорника», как значилось на этикетке, никого бы не удивила. Удивляться только можно с каким мастерством и юмором разыгрывает Утесов этот нехитрый рассказ о похождениях героя, избравшего ремеслом кражу.

На конверте, в котором лежала пластинка «Гоп со смыком», стоял адрес: Кузнецкий, 3. Я встречал его раньше и на страницах старинных граммофонных каталогов.

Мы как-то шли с Леонидом Осиповичем по Петровке.

– Узнаете это место? – спросил он. – Здесь мы снимали сцену с катафалком в «Веселых ребятах». Народу собралось! Только милиция толпу и сдержала. А оператор с камерой стоял вон на том балконе углового здания – там министерство теперь какое-то.

– А на Кузнецком, три, что было? – поинтересовался я.

– Ателье граммофонных напевов – так тогда оно называлось. Здесь писались Нежданова, Церетели, Козловский. И вот я удостоился, наконец. Сколько видели эти ступени! Там на втором этаже находилось ателье и там же аппаратная, отгороженный закуток с козлами, на которых красовалась еще дореволюционная машина – диск с восковыми блинами. Диск вращался всем на удивление, как старинные часы с гирями, без всякой электрической тяги. И все-таки что-то получалось, иногда даже неплохо!..

И, пожалуй, тогда я понял еще одно: к моему азарту коллекционирования утесовских дисков примешивалось желание стать на сторону гонимого. Запретный плод, говорят, всегда сладок, но хотелось пойти наперекор тем, кто запрещал несправедливо, осуждал доброе.

Через десять лет после начала своей артистической карьеры, в 1923 году, Утесов устроил синтетический вечер «От трагедии до трапеции». Он пел, аккомпанируя себе на гитаре, танцевал, читал стихи, играл на скрипке в концертном трио, распевал дуэты из оперетт, играл в скетче, а во фрагменте из «Преступления и наказания», выполнял гимнастические трюки «под куполом» сцены – отважился делать все, что умел. «Все» не означало все в равной степени хорошо. В упражнениях на трапеции он явно проигрывал профессиональным акробатам, а в роли Раскольникова оказался слабее знаменитых трагиков, ныне выродившемся актерском амплуа.

Мысль о «синтетизме» – соединении разных жанров театра, эстрады и цирка – не покидала его. И он нашел искомое: 8 марта 1929 года выступил в концерте, посвященном Женскому дню, со своим Теа-джазом, в котором его разносторонний талант нашел себе применение. На долгие годы Леонид Утесов и его музыканты, как магнит, притягивали к себе любителей эстрады.

Но именно после дебюта все и началось. Критики могучей в те годы организации РАПМ – Российской ассоциации пролетарских музыкантов – подвергли Утесова разному. Яростному и сокрушительному. «Фокстротчик», «пропагандист низменных вкусов», «певец загнивающего Запада», «халтурщик» – как только не честили его рапповцы, на дух не переносившие эстраду вообще и настойчиво рекомендовавшие петь сочинения только своих, пролетарских музыкантов. Сочинения призывно-мобилизующие, типа:

Труд, труби! Труд, труби!
Труд, труби в трубу!
Бей, барабан! Бей, барабан!
Бей, барабан, борьбу!

Утесов бить в барабан не хотел. Он исполнял веселые куплеты, читал под музыку «Контрабандистов» Багрицкого, с душой пел «Чакиту», русский романс «Где б ни скитался я» и американские «Качели» – чистую лирику. Переложил под джазовый аккомпанемент блатные песни и романсы городских окраин – «Бублички», «С одесского кичмана», «Подру-

женьки», «Гоп со смыком». Пел их с юмором, снимая воровскую романтику, смеялся и грустил.

И подвергся новому залпу разносной критики. Записи сделали на пластинки. 8 марта 1932 года (эта дата в его жизни оказалась знаменательной – он скончался пятьдесят лет спустя, в ночь с 8 на 9 марта), они имели оглушительный успех, но вскоре грозный Главрапертком – цензура в искусстве – снял их с производства и изъял из продажи. Заодно поставил под вопрос все, что делал Утесов и его джаз-бенд («джаз-банд» – говорили у нас в то время, оттого и называли утесовцев по созвучию «бандой»).

«Надо поступить с Утесовым, как того стоит его музыкальный самогон, изгнать его с эстрады и впредь запретить все его выступления!» – писали газеты. И это была не шутка.

Я не застал Утесова тридцатых годов. Это потом я узнал, как его джаз честили в печати. Но и в сороковые годы хорошо помню на студенческом вечере танцев – как раз шла борьба с иностранными ритмами: фокстротами, танго, румбами – в радиорубку, откуда на том вечере крутили пластинки, явился секретарь парткома и о колено разбил утесовские танго «Тайна» и фокстрот «Песня старого извозчика», как тлетворные.

Каково же все эти годы было самому исполнителю?!

Утесов мне показал как-то пластинку, для массовой печати не предназначенную, без этикетки. Пластинку в нескольких экземплярах изготовили специально для обозрения 1932 года «Музыкальный магазин».

Теперь она хранится в Государственном архиве звукозаписей. Сюда перекочевали все диски, собранные за долгие годы самим артистом. Они лежат в фонде, который так и называется «Фонд Утесова».

Вот эта пластинка. Ее когда-то проигрывал мне Леонид Осипович у себя дома. Она необычна и по звучанию. С нею Утесов вел диалог по ходу «Музыкального магазина». На сцене устанавливали граммофон, и артист в позе фокстерьера, напоминающий этикетку «His Master's Voice» – «Голос его хозяина», слыша собственный голос, отвечал граммофону. Вернее, оправдывался. Потому что голос из граммофона повторял нападки суровых критиков из РАПМа.

В «Музыкальном магазине» артист вел диалог с граммофоном, из которого звучал его же голос

Утесов подходил к граммофону, ставил пластинку и говорил:

– Вот, глупости какие пишут, что вроде бы я пропагандирую злобредный джаз. Выдумали же такое!

И неожиданно слышал из граммофонного колокольчика:

– Значит, гражданин Утесов, вы говорите, что никогда никаким джаз-бандом не дирижировали? Вы никогда этим безобразием не занимались? Тогда разрешите, я вам напомню. Что вы скажете по поводу вот этого? – Из граммофонной трубы лился фокстрот «Арабелла», который утесовский джаз исполнял в своей первой программе 1929 года.

– Не помню, не помню! Может, это и не мы его играли! – отнекивался Утесов.

– Ах, вы, значит, не помните, что вы это делали?! Вам обязательно нужно свой голос услышать? Пожалуйста, будьте любезны.

На этот раз с пластинки звучал первый куплет «Кичмана» в утесовском исполнении.

– Ну, а это что такое? – вопрошала пластинка.

– Не знаю, не знаю. Да это и не я вовсе – просто голоса похожи!

– Ах, это тоже не вы! Но тогда разрешите еще один документик представить.

Теперь Утесов пел «Бублички».

– Так это когда было! Во времена нэпа! А сегодня у меня другой, злободневно-зовущий репертуар. Как того и требует критика! – оправдывался Утесов.

– Простите, я не могу с вами спорить, потому что я кончаюсь. Переверните меня!

– Что кончается? Критика?

– Я. Пластинка!

Здесь Утесов переворачивал диск и снова слышал:

– Благодарю вас, товарищ Утесов! Вы очень любезны. Позвольте Вам напомнить еще одну маленькую штучку.

Граммофонный рупор извергал самую последнюю утесовскую новинку – фокстрот «Пока!» – переделку американской песенки «Доброй ночи», которая под пером Беллы Давидович стала русским шлягером. Шлягером настолько популярным, что герой одной из кинокомедий начала тридцатых годов признавался с экрана:

– Да я за одно утесовское «Пока!» три вагона леса без всякого достать могу!

Зрители «Музыкального магазина», услышав «Пока!», аплодировали, кричали «бис», а пластинка продолжала свои обличения:

– Вот это аргументы! А ваши разговоры – чепуха! Давно пора переключиться. Я вам сколько раз об этом говорила. Будьте здоровы, дорогой мой!

– Конечно, я издевался над рапмовцами, – сказал мне Леонид Осипович. – Их критика выглядела совсем уж нелепой, когда все музыкальные аргументы вызывали зрительские аплодисменты. Зал был на моей стороне. Может быть, и не стоило бы вступать в спор, но согласитесь, беседовать с граммофоном, отвечать самому себе, записанному на пластинке, – так эффектно, что отказаться от этого я не мог. Тем более что сам этот трюк и выдумал.

Но «Разговор с граммофоном» не был первой пластинкой Утесова. Первая появилась на два года раньше, и о существовании ее поначалу никто не догадывался. С ней связан другой утесовский трюк, навеянный немым кинематографом.

В юности Лёдя (так звали Утесова друзья и родные) попал в «Электротheater», где шла первая русская картина «Понизовская вольница». Сопровождала ее не привычная игра тапера, сидящего у разбитого пианино под экраном, а песня «Из-за острова на стрежень», звучащая из граммофона. Сюжет ленты точно соответствовал сюжету песни и, хотя на экране никто рот не разевал, изображая пение, создавалась иллюзия звукового кино.

Эту иллюзию Утесов и решил повторить в январе 1930 года, когда первый наш звуковой фильм только замышлялся.

Утесов тогда выступал в мюзик-холле, который находился в бывшем здании цирка Никитиных на Триумфальной площади. У Михаила Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» этот мюзик-холл изображен как театр варьете, где провел сеанс черной магии Воланд. Теперь в этом здании – Театр Сатиры.

А тогда в тридцатом году здание мюзик-холла украшали афиши: «Премьера! Новая программа теа-джаза Леонида Утесова „Джаз на повороте“. Сюрприз для москвичей!».

Сюрприз заключался в следующем. Когда кончился концерт и довольные зрители уже ни о каком сюрпризе не думали, их ждала неожиданность. Тем большая, что о ней действительно уже все забыли.

Зрители выходили из зала. А перед главным подъездом устанавливался большой экран и на нем Утесов со своим джазом продолжал петь песню, которой только что простился со зрителями на сцене. Это поражало! К тому же, повторяю, звукового кино еще не было! Утесов предложил специально для экрана записать пластинку, которой можно было, так сказать, озвучить изображение.

Но не все так просто! Теперь я хочу рассказать об одном любопытном документе. Он хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

Чтобы записаться на пластинку, нужно было получить разрешение цензуры. Утесов обратился с такой просьбой – он хотел записать то самое «Пока!» специально для передачи ее по радио – для экранного трюка.

И вот ответ цензора или, как тогда мягко выражались, политредактора: «Музыка прощальной песенки „Пока!“ написана под явным влиянием фокстрота. Музыка беспомощна и элементарна. Если еще можно временно примириться с выступлениями утесовского джаза, то согласиться с радиофикацией песенки невозможно!».

Как удалось все же записать «Пока!» и осуществить этот замысел, одному Богу известно!

– «Голь на выдумки хитра!» – прекрасная пословица, – сказал мне однажды Леонид Осипович, когда я спросил его, как он додумался сниматься с джаз-оркестром во времена немого кино. – И притом, извините, вы многого не знаете, хотя бы из-за вашего небольшого возраста. С годами это проходит, только опыт, что накоплен предыдущим поколением, обычно уходит вместе с ним.

Впервые с эстрадным номером я упросил снять меня на кино пленку знакомого оператора по очень простой причине. Я работал в «Эрмитаже», читал рассказы Бабеля и Зощенко, пел злободневные куплеты Якова Ядова, обновляя их ежедневно. Особенно, когда распевал «Куплеты газетчика»: там и учить их мне не приходилось. Я как бы рассматривал газету в поисках темы для куплетов, а куплеты эти заранее приклеивал на развороте. Очень удобно! Был у меня еще один номер – танец и куплеты с Ольгой Дегтяревой. Она изображала современную дамочку, одетую по моде нэпа, я – в котелке, широких штанах, с усиками и тросточкой. Да, совершенно верно: пытался копировать Чарли Чаплина.

Номер шел под гром аплодисментов. Но Ольга часто уезжала в Питер, где работала в оперетте, я оставался без партнерши и тогда придумал – снять наш номер на пленку. Она пойдет на экране, а я спою куплеты под аккомпанемент Дуни, то есть – Дунаевского – он тогда аккомпанировал всем номерам эрмитажной программы – это 1923 год. Вот, посмотрите, эта пленка у меня до сих пор сохранилась – у вас во ВГИКе ее вам прокрутят.

«Прокрутили» мне ее, когда Утесова уже не было. Слава Виноградов тогда делал фильм «Вам возвращаю ваш портрет». Я предложил ему включить в картину эти уникальные кадры.

– А Утесов говорил, что он тогда пел? – спросил Виноградов.

– Говорил, но я не запомнил, – сказал я. – Попробуй подложить ядовские куплеты «Лопни, но держи фасон» – есть хорошая запись. Может быть, она подойдет?

Слава попробовал и получилось.

Но главным фильмом Утесова, конечно же, стали «Веселые ребята».

* * *

Мост окружной железной дороги на Дербеневской набережной – не только памятник архитектуры, но и своеобразное историческое сооружение. В начале тридцатых годов до него доходил автобус номер семь. Тут кончалась булыжная мостовая, кончалась и Москва.

Утесов, Дунаевский и музыканты тащились в гору через деревню Потылиха на Москинокомбинат. «Мосфильмом» он тогда еще не назывался.

Зачем? Ради славы, денег? Денег на эстраде можно было заработать больше – в кино у нас всегда плохо платили, а славы им хватало. Они хотели делать новое, то, чего не было до них, чего не делал никто.

Тогдашний руководитель кинокомитета Борис Шумяцкий, увидев в мюзик-холле «Музыкальный магазин», сразу предложил Утесову:

– Давайте снимем ваш спектакль – получится музыкальная комедия! – Так просто!

Стали снимать, сняли много, звук писали по системе Тагера – звуковое кино только начиналось.

А Утесов посмотрел отснятое и сказал:

– Нет, это не кино. Это спектакль на пленке. Надо делать настоящий фильм!

Авторы остались те же – Николай Эрдман и Владимир Масс. И композитор тот же – Дунаевский. Даже герой сохранил свою мюзикхолльную фамилию – Костя Потехин. Только переменил профессию – не продавал рояли, а пас стадо. Режиссером Утесов предложил взять Григория Александрова, который тогда только из Голливуда приехал, а там уже шесть лет музыкальные фильмы снимались. Нужно было не отставать, ведь лозунг «Догнать и перегнать Америку!» в ту пору был самым популярным.

Вот и затеяли первую советскую музыкальную кинокомедию. Называлась она сначала «Пастух из Абрау-Дюрсо», потом просто – «Джаз-комедия» и, наконец, «Веселые ребята».

Ноты «Марша веселых ребят». Литография 1934 года

Артисты добирались до съемочной площадки через ряды колючей проволоки, которые окружали Кинокомбинат, через проходную к главному и, тогда единственному павильону. Не хочу судить, удалось ли им «догнать и перегнать». Кто точно «перегнал», так это Дунаевский. По американским стандартам для музыкального фильма достаточно трех-четырех

мелодий. Дунаевский выдал для «Веселых ребят» – двенадцать. И каких! По музыке эта картина одна из лучших в мировом кино.

Что же касается фильма, то признаюсь: пристрастен.

Я видел картину во время войны. И сразу влюбился в нее. В доме пионеров ее крутили на узкой пленке – звук плыл, изображение мигало... Но удовольствие! Зал грохотал от смеха, хохотали до колик. И слушали прекрасные песни, которые, казалось, существовали всегда.

И конечно, «Марш веселых ребят». Его пели всюду и часто. Разные певцы и хоры. Но немного не так, как в фильме. Вы замечали? Утесов в картине ни разу не поет: «Нам песня строить и жить помогает!», а только: «Нам песня жить и любить помогает!». Да и с чего бы это вдруг пастуху петь о строительстве?!

Но после выхода картины на экран текст марша изменили – дописали куплеты про врага, который захочет «отнять нашу радость живую», про «комсомольское племя», заменили «любить» на «строить» – сделали его более «общественно-значимым». Однако Утесов даже на пластинках остался верен первоначальному замыслу и всей этой трескотни не пел.

Утесов и его джаз стали трогательным центром фильма. Жанр его определялся как «джаз-комедия». В архиве, том самом ЦГАЛИ, сохранился экземпляр сценария. Джазовых сцен там было значительно больше.

Была, например, такая: джаз во главе с Утесовым играет на крыле самолета, пролетающего над Москвой. Самолет, конечно, винтовой, четырехмоторный. По нынешним временам летел медленно, не торопясь, невысоко. Он пролетал над заводским районом, попадал в дымное облако и, когда выныривал из него, все музыканты вместе с дирижером становились неграми – черными от сажи, и продолжали играть с еще большим азартом.

Другую сцену сняли на пленку, но вырезали позже, при монтаже.

После разгрома, что учинило стадо в пансионате для неорганизованных курортников, в «Прозрачных ключах» устроили товарищеский суд над нерадивым пастухом. В сценарии записано: «Слушая эти слова, Костя розовеет, краснеет, багровеет».

– Как же мы это снимем? – спросил Утесов Александрова. – Ведь цветного кино у нас нет!

– Ничего, – ответил Григорий Васильевич, – я раскрашу вас, по кадрикам. У меня есть опыт!

Опыт у Александрова действительно был. В финальных кадрах эйзенштейновского «Броненосца Потемкин» он раскрашивал от руки красный флаг, под которым шел мимо Одессы восставший корабль. Не зря же говорят, что трагедия повторяется в истории как комедия.

* * *

Дуб, на котором пел Костя свое знаменитое «Сердце, тебе не хочется покоя!», снимали на «Мосфильме», в единственном тогда корпусе. Дуб соорудили в павильоне, а море, снятое оператором Владимиром Нильсеном в Гаграх, проецировали на экран, натянутый сзади. В кадре оно немного подрагивает, заметить нетрудно: техника была не высока.

О «Веселых ребятах» мне рассказывала и Елена Александровна Тяпкина. С ней мы беседовали на Цветном бульваре.

– Понимаете, – говорила она, – по сценарию я должна была играть мать Лены, артистки Маши Стрелковой, а мы с Машей почти одногодки – тогда меня и сделали мачехой.

Съемки у нас шли прекрасно, особенно в Гаграх. Маша там прыгала в воду с Утесовым, я – за ними. Очень многое в фильм не вошло. Вообще, наши роли постепенно уменьшались, а роль Любви Петровны, превосходной актрисы, ставшей во время съемок женой Александрова, постоянно росла...

На «Мосфильме» съемки шли с трудом: павильон был забит стадом, оно там дневало и ночевало. Воздух – не продохнуть!

Нет, мне не все нравится в картине, – говорила Елена Алексеевна. – Вкус часто подводил режиссера. Ну, эти восемь белых роялей и двадцать четыре арфы – Александров их явно приметил где-то в Америке. Но музыка Дунаевского превосходна. И все его песни в этой картине о сердце – обратили внимание? Все до одной. Даже в «Черных стрелках» есть строчки: «Сердце хлопчет, боится опоздать...». Таких музыкальных фильмов у нас больше не было, да и вообще ничего похожего на наших экранах не припомню...

Она говорила, и чувствовалось, что до сих пор, почти полвека спустя после съемок, вспоминает о них с любовью и грустью. Грустью об утраченном времени. Не странно ли для актрисы, столько сыгравшей в кино и в театре?..

На «Мосфильме» прямо под открытым небом (спасались от стада?!) построили декорации финального ревью. На том самом месте, где сегодня вырос сад, Утесов с Орловой вели свой последний дуэт. (Также о съемках фильма «Веселые ребята» читайте ниже – в разделе «Николай Эрдман».)

* * *

В шестидесятых годах мне довелось делать пластинку «Веселые ребята» – композицию музыкальной комедии.

– Где вы взяли фонограмму? – спросил удивленный Леонид Осипович. – Разве она сохранилась?

Он пришел тогда на студию, чтобы прочесть конференс к пластинке.

Утесов был обижен. И конечно, не тем давним фактом, что Александров и Орлова получили за «Веселых ребят» ордена, а он – фотоаппарат. А тем, что в 1958 году режиссер переозвучил фильм, пригласив спеть вместо Утесова другого певца. Возмущались этим все утесовские поклонники. И не случайно. Эффект получился тот же, если бы на экране вы видели, скажем, квартет «Битлз», а звучали бы голоса бит-квартета «Секрет».

Так вот режиссер – Царство ему Небесное – тогда сказал, что хорошая фонограмма «Веселых ребят» не сохранилась. Он соврал: сохранилась и не в одном экземпляре. В Госфильмофонде было из чего выбирать.

А успех «Веселые ребята» poznали необычайный. Какое-то время после выхода картины на экран, утесовский коллектив назывался «Джаз-оркестр „Веселые ребята“». Об этом Утесов рассказал в двух книгах. Как и о своей жизни. Одного эпизода, случившегося вскоре после триумфального шествия «Веселых ребят» по стране, там нет. Я записал его со слов Леонида Осиповича:

– ...Летом 1937 года после завершения беспосадочного перелета из Москвы в американский Ванкувер в честь Чкалова, Байдукова и Белякова в Кремле устроили прием. Торжественный, с обильными закусками, винами и концертом. Когда летчиков спросили, кого бы они хотели услышать, они в один голос ответили: «Утесова и его джаз».

В Грановитой палате соорудили эстраду. Слева находился длинный стол, по одну сторону которого разместилось правительство во главе со Сталиным. А остальное пространство занимали столики на четверых, где сидели герои-летчики и все, кто имел отношение к их полету.

– Мы, – вспоминал Утесов, – прошли под аплодисменты через зал на эстраду, играя на ходу «Легко на сердце». Микрофонов не было, но акустика в Грановитой хорошая.

Я спел одну песню, другую. Потом лирическую – «Склонились низко ивы». Это американская мелодия – я на пластинках ее записывал. Там такие слова:

Склонились низко ивы
В задумчивом пруду.
С тобой я был счастливый,
Теперь тебя я жду.

Я жду, что ты вернешься,
Откроешь тихо дверь
И снова улыбнешься,
Как прежде, а теперь...

Пою и краем глаза вижу: Сталин смахивает слезу. Я кончил петь – аплодисменты. Сталин встает и аплодирует стоя. Аплодирует до тех пор, пока я не начинаю снова – «Склонились низко ивы». И опять вижу: слезы текут по его щекам. И снова то же самое – аплодирует стоя. И снова «бис» – в третий раз. Такое у меня редко случалось.

Следующий номер – оркестровый. Дирижирую и вижу: за правительственным столом – переговоры. Ко мне подходит военный с тремя ромбами – высокий чин. Подзывает к себе и говорит:

– Товарищ Сталин просит спеть «С одесского кичмана».

– Да, что вы! – говорю я. – Эта вещь запрещена – я ее лет пять как не пою!

– Вы понимаете, товарищ Сталин просит, – повторяет он.

Ну, я ребятам:

– «Кичман» в ля-миноре! Они-то наверняка все забыли. Но сыграли отлично. И тут другая картина: стоя, начали аплодировать все летчики. И тоже три раза требовали «бис».

Я после этого встретил на улице Керженцева, он тогда возглавлял Комитет по делам искусств. И говорю ему:

– Платон Михайлович, вот мне пришлось на днях нарушить ваш приказ и спеть по просьбе публики «С одесского кичмана».

– Что за безобразие! – вскипел он (Керженцев умел бурно кипятиться). – Мы вас вызовем на Комитет! Вы лишитесь права на выступления! Какая это публика может вас просить? Что за фантазии!

Летчики В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков, А.В. Беляков, совершившие беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – Ванкувер, с послом СССР в США А.А. Трояновским. 1937 год

– Меня просил товарищ Сталин, – сказал я ему медленно и внятно.

Керженцев сразу остыл и только пробормотал:

– Глупости все это!

А на кремлевские концерты меня больше никогда не приглашали...

* * *

Жаль, что ничего подобного фильму «Веселые ребята» с Утесовым никто не догадался сделать.

Его, конечно, еще снимали. В 1940 году – «Концерт на экране». Одна песня лучше другой. И среди них – «Будьте здоровы!». Здесь поет и его дочь Эдит.

А в 1954 году – снова киноконцерт. «Мосфильм» снял «Веселые звезды». И снова – обида. Так, походя, между прочим.

Дунаевский с поэтом Михаилом Матусовским написали для Утесова песню «Запевала». «Моя биография!» – говорил с гордостью Леонид Осипович, разучив песню.

– Что это Утесов поет с экрана сам о себе! – возмутились в Госкино. – Это не скромно!

И текст переделали, а саму песню пересняли. Получился, по мнению аппаратчиков, нормальный, нейтральный текст, который Утесов, конечно же, не мог не сделать своим.

Утесов жил недалеко от сада «Эрмитаж», на углу Каретного, в кооперативном доме и любил гулять здесь. Мы садились где-нибудь на скамейке, одной из тех, что уцелели, остались от былой роскоши.

– О, Глебушка, вы не представляете, какой это был сад! – говорил Утесов. – Сколько всегда народу! И какая публика! Вы такой публики не видели. И каждый мог найти развлечение по вкусу. Ресторан с роскошной кухней, Зеркальный театр, где шли самые лучшие оперетты, причем новейшие: вчера премьера в Вене, сегодня – в Москве; драматический театр, кино, музыкальная раковина, где каждый пришедший в сад мог слушать джаз Цфасмана; зал, где давали симфонические концерты и наш Эстрадный театр – тридцать два ряда минус акустика, а зрители слышали каждое слово! В этом театре я показал свои лучшие программы. Все мои звездные часы связаны с местом, от которого теперь остался только пустырь. Куда все ушло?..

Мы поднялись по ступенькам, которые когда-то вели в партер, прошли вдоль исчезнувших стен, остановились там, где когда-то Леонид Осипович выходил на сцену...

Как воскресить это прошлое?..

В одном мне повезло. В 1965 году, когда Утесову исполнялось семьдесят лет, вгиковские студенты-третьекурсники из мастерской Кармена сделали к этому юбилею фильм. Будущие режиссеры Игорь Бриле и Леонид Сурин сняли картину на тридцать минут, часть из которой дожила до наших дней. Эти кадры стали сегодня уникальными, даже сенсационными. Съемка велась и в зале исчезнувшего «Эрмитажа», и за его кулисами – в грим-уборной Утесова, и на репетиции утесовского джаза, столько пережившего всего вместе со своим руководителем.

И спел тогда Утесов в сопровождении давно ставших ему родными музыкантов песню, которая не часто звучала в программах его концертов:

Извела меня кручина,
Подколотная змея.
Догорай моя лучина,
Догорю с тобою я...

Иосиф Прут

Он был моим другом

Я хочу рассказать о моей дружбе, братских отношениях с любимым всеми нами человеком – Леонидом Осиповичем Утесовым. Но предупреждаю вас, дорогие читатели: рассказ мой будет касаться лишь той поры, когда Леонид Утесов только становился артистом, которого впоследствии узнала вся страна.

Сначала немного о себе и моей двоюродной бабушке – тете Ане.

Родился я 5 ноября (по старому стилю) 1900 года, то есть за пятьдесят шесть дней до окончания девятнадцатого века. Мои родители жили в Ростове-на-Дону, но повезли меня «рожаться» в соседний Таганрог... Там жила и работала знаменитая акушерка: некая Фрума. Она принимала детей у всех женщин нашей семьи и у наших близких знакомых. Только одна она твердо знала, кому, когда и кого надо рожать! Всякие споры по этому поводу были абсолютно бесполезны: женщины безоговорочно подчинялись Фруме. Как сие ни парадоксально, она ни разу не ошиблась!

Так, на пятое ноября в Таганрог была вызвана и моя дорогая мама. А было ей в ту пору всего восемнадцать лет. Вместе с ней на торжественное появление нового члена семьи – первого внука или внучки – выехали оба деда, одна бабушка (дед Прут был вдовцом) и тетя Аня – его двоюродная сестра – старая дева, богатая особа, жившая в Одессе.

В данный момент тетя Аня переживала очередную жизненную неудачу: оперный бас, некий Сангурский, обещавший на ней жениться, своего обещания не выполнил! Но тетя Аня – хорошая пианистка – верная своему чувству, усиленно занялась изучением оперных клавиров. В ту пору она «сидела» на «Пиковой даме»...

Тетя Аня громогласно заявила: если моя мать родит мальчика – назвать его Германом! Коли появится девочка – Лизой! И в случае выполнения ее пожелания внести на счет новорожденного ребенка тысячу рублей (деньги по тем временам огромные: корова стоила десять рублей!).

Начались роды... Я шел ногами. А так как они были предельно тонкими, Фрума безапелляционно заявила:

– Девочка!

После чего тетя Аня закричала:

– Лиза!

Но когда я, выходя, дошел до середины, Фрума, присмотревшись, поняла, что ошиблась. И уже более спокойно, но совершенно уверенно произнесла:

– Оказывается, мальчик.

– Герман! – воскликнула тетя Аня.

– Осип! – рявкнул дед Прут. – Так звали моего отца, так будут звать и моего внука!

– А Осипом зовут, между прочим, и моего дворника! – закричала тетя Аня. – И вот ему что, а не тысяча! – При этом мне, еще не совсем вышедшему из чрева моей мамы, сунула большую полновесную дулю. Таким образом, не появившись на свет Божий, я уже успел потерять одну тысячу рублей. Видимо, поэтому всю последующую жизнь стоически несу, терплю и мужественно переносу материальные потери.

Спасибо тете Ане за своевременный урок!

Через полгода после моего рождения у папы обнаружилась скоротечная чахотка, а у меня – в изрядном количестве – палочки Коха, которые я унаследовал от больного туберкулезом отца.

Этой болезнью папа страдал с детства, поэтому десять лет лечился в Швейцарии. Вернувшись домой, он встретил мою мать, в течение полугода ухаживал за ней, и затем они стали мужем и женой.

Но болезнь, очевидно незалеченная, вновь разыгралась со страшной силой.

Нас – отца, мать и меня – погрузили в поезд, идущий в Швейцарию.

По дороге папа умер...

Это случилось, когда мы проезжали Германию. А так как немцы не разрешали возить покойников в пассажирских поездах, нас высадили из поезда на первой же остановке – маленькой станции Герберсдорф. Мама телеграммой сообщила домой, что мы на платформе. Оба деда прислали деньги и указание: похоронить отца на месте и уплатить за сто лет заботы о его могиле...

Мама выполнила все распоряжения: похоронила мужа, поставила плиту с его именем, датами рождения и смерти, уплатила кладбищенской общине пятьсот марок: уход и наблюдение за цветами вокруг плиты стоил пять марок в год.

После всего этого мы тронулись дальше – в Швейцарию, где я теоретически должен был сразу же умереть – таковым был приговор ростовских врачей. Но восемнадцать лет жизни, лечения и учебы в этой благословенной стране сделали свое дело, и, как видите, я остался жить...

После восьми лет, которые я провел в санатории, меня привезли в Ростов проверить, могу ли я там остаться – без швейцарской медпомощи и целебного воздуха этой горной страны. Оказалось – не могу. И меня отправили обратно в Швейцарию.

Прошло еще два года. Решили опять попробовать. Но на сей раз меня повезли в Одессу, рассчитывая на ее благоприятное соседство с Черным морем и особый, здоровый климат.

Мы остановились у тети Ани. В тот день эта старая дева собралась было ехать хоронить Горького, но в связи с тем, что, как выяснилось, умер не Алексей Максимович, а Лев Николаевич Толстой, она осталась дома.

Иосиф Прут (1900–1996) в Центральном Доме литераторов в Москве

Тетя Аня занимала обширную квартиру на втором этаже. А на третьем жили Вайсбейны. Их сын Лёдя, который был старше меня на 5 лет, стал впоследствии знаменитым советским эстрадным артистом Леонидом Осиповичем Утесовым, с которым я дружил всю нашу жизнь... А в ту пору он был учеником гимназии Файга. Очень независимый, весьма способный к пению и, кроме того, успешно занимавшийся игрой на скрипке.

Вайсбейны держали своих детей в строгости, и у Лёди никогда не находилось лишних пяти копеек для покупки второй порции мороженого, которое он обожал!.. Деньги всегда были у меня: ими я в достатке снабжался тетей Аней и поэтому с радостью угощал своего нового товарища.

Надо сказать, что тетя Аня возмечтала сделать из меня пианиста, чем усиленно и занималась. Она заставляла своего бедного внучатого племянника ежедневно посещать школу Столярского (знаменитая в Одессе музыкальная школа). А я ужасно не хотел быть пианистом, о чем и поделился с Лёдей. Он решительно заявил:

– Две порции мороженого – и я тебе помогу! Можешь быть уверен.

Действительно, в тот же вечер я услышал его разговор с моей почтенной родственницей:

– Совершенно не понимаю, Анна Исааковна...

– Интересно знать: чего ты, Лёдя, не понимаешь?

– Почему вы водите своего внука к Столярскому? Ведь у вашего Оси нет никакого музыкального слуха!

– Дурак! – ответила тетя. – При чем тут слух?! Его же там будут учить играть, а не слушать!..

Тогда прикончить проблему моего музыкального образования Лёдя решил другим способом. Он достал мне большие портновские ножницы и составил текст моей декларации. Я выучил ее наизусть и вечером за ужином пригрозил тете Ане:

– Если ты от меня не отстанешь, я вот этими ножницами выстригу все струны в твоём пианино!

Больше меня не беспокоили. И пианистом я не стал...

Запомнилось то, что мне однажды рассказал Лёдя, подслушав диалог двух стариков в городском саду.

«– Ну, что нового в газетах?

– В этом году Сумской гусарский полк проведет лето у Чугуеве, а Чугуевский гусарский полк – у Сумах.

– А зачем? Какая в их разница?

– И неужели вы не знаете?! Сумской носит доломан синий, а чахчары – бруки – красные! А чугуевский – доломан красный, а чахчары – синие.

– Непонятно... Зачем было гонять столько людей, когда можно просто поменять их штанов?!»

Обычно мы с Лёдей гуляли по Приморскому бульвару. Однажды сели на скамейку и оказались возле группы почтенных стариков, один из коих вслух читал газету.

Я услышал:

– Новости с Парижу. «На ирадроме ля Бурже летчик Пегу сделал в воздухе четыре мертвые петли!..»

После паузы один из стариков спросил:

– А для евреев это лучше или хуже?..

Едва сдерживая смех, мы с другом поспешили перейти на другую скамейку...

Родители Лёди очень тепло относились ко мне, больному туберкулезом мальчику. Как-то я сидел у них в воскресенье и читал купленный для меня детский журнал.

Рядом находился папа Вайсбейн, углубившийся в газету.

В соседней комнате старшая дочь этой уважаемой семьи вела революционный кружок. Ее с вниманием слушали четверо молодых рабочих.

Говорила она громко, поэтому мы внезапно услышали ее восторженный возглас:

– Вдумайтесь, товарищи! Какой великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Папа Вайсбейн встал, снял пенсне и, открыв дверь, сказал дочери:

– Только не у нас в квартире!

Тетя Аня делала все возможное, чтобы меня развлечь, отогнать тяжелые мысли о страшной болезни... Она читала мне вслух Конан Дойля, сопровождая его рассказы о Шерлоке Холмсе своими комментариями. А один даже выдумала сама. Прошло столько лет, но я до сих пор помню его содержание:

«– Представьте себе, дети, город Лондон, где живет этой великий человек! – говорила она мне и Лёде. – В то утро знаменитый сыщик сидел у камина в своем кабинете на Беккер-стрит и читал газету. Кто-то постучал в дверь.

– Войдите! – сказал Шерлок Холмс.

И вошел его друг – доктор Ватсон. Не знаю, какой он был доктор как врач, но Холмсу – верный помощник.

Вошел и сказал:

– Здравствуйте, Холмс!

– Здравствуйте, Ватсон. Но объясните мне: почему вы носите голубое белье?

Ватсон не удержался от восторженного восклицания:

– Холмс! Вы – гений! Откуда вам стало известно, что я сегодня одел голубые кальсоны?!

Великий сыщик, ответил:

– Потому что вы пришли без брюк!..»

Жилось мне в Одессе хорошо, но морской воздух моей болезни все-таки не помог... Врачи снова отправили меня обратно в Швейцарию.

Последний мой приезд в Россию состоялся через девять лет, в одна тысяча девятьсот девятнадцатом году. Я уже был совершенно здоров. За эти девять лет в России произошли огромные события. Первая мировая война. Февральская и Октябрьская революции. Затем началась схватка внутренняя: война гражданская. Красные бились с белыми. Мы убивали друг друга, уверенные, что каждый из нас защищает правое дело. Эта трагическая война продолжалась три года. В феврале двадцатого мы пришли в Одессу. Ее освободили от интервентов и войск противника наши бойцы под командованием Григория Котовского.

Тетя Аня была еще жива, а Лёдя – уже артист Леонид Утесов, муж Елены Ленской – премьерши фарсовой антрепризы Адамат-Рудзевича – был уже отцом почти пятилетней дочери – Диты. Встреча с близкими была радостной, но, к сожалению, очень короткой, до мирного времени оставался еще год. Однако свою порцию смеха в этом удивительном городе я все-таки получил.

В Одессе мирная жизнь наступила сразу. Началось с перемены времени. При белых одесситы жили по старому – царскому, а мы ввели свое – средневропейское – два часа разницы. И первое, что Утесов мне показал, чтобы я улыбнулся, оказалось объявление на дверях соседней парикмахерской. Там было написано следующее: «Наше дело работает с девяти утра до шести вечера по-ихнему»!

Прошло несколько дней. Я посетил театр, где тогда играли Лена и Лёдя: она – на первых ролях, он – на второстепенных. Об одном из спектаклей этого коллектива в местной газете было написано:

«Среди исполнителей выделялась Елена Ленская – актриса высокого класса. Поддерживали ведущих актеров Слуцкий, Марчалин, Осипов, Утесов и др.». Потом я всю жизнь дразнил Лёдю, называя его «Утесов и др.»!

Но в тот вечер произошло знаменательное событие: Лёдя впервые выступил самостоятельно. Он спел небольшую песню. Первый ее куплет я запомнил. Лёдя впоследствии часто повторял его мне.

Куплет этот звучал примерно так:

У мене – лицо типаж,
Шо мне стаж
и монтаж —
безделушки!
Попаду я на экран —
крупный план —
в любой роман,
чем я не Пушкин?
Пусть они попробуют, поищут,
Ведь такой, как я, —
Один на тыщу!
У мене – лицо типаж,
Шо мне стаж и монтаж —
чистый блаж!

Дальше я не помню...

После этого вечера Утесову улыбнулось счастье: его артистические способности оценил новый директор и почти удвоил Лёде заработную плату.

Лена советовала мужу истратить первую получку на угощение руководства театра и двух-трех ведущих актеров. И в одном из маленьких ресторанов, расположенных за городом, Лёдей был устроен ужин, на котором посчастливилось побывать и мне.

Гости засиделись до утра и разъехались на извозчиках, а у нас с Лёдей на конный транспорт денег уже не было. И вот пришел желанный первый трамвай. Мы влезли на заднюю площадку, уплатили за проезд и стали делиться впечатлениями о ночной встрече. Примерно на восьмой станции к нам присоединилась молоденькая работница. Она с интересом смотрела на красавца в канотье – Лёдю и на меня – одетого в военную форму.

В это время к девушке подошел кондуктор, чтобы получить за проезд. Она сунула руку в карман своего фартука, побледнела и прошептала:

– Ой! А где же мой кошелек?!

– Ты эти штучки брось! – отреагировал кондуктор. – Давай, плати! Не то сдам тебя кому следует!

И тут Лёдя, достав последние гроши, царственным жестом протянул их кондуктору.

Дом в Треугольном переулке, где родился Леонид Утесов

– Вот это другое дело! Скажи «спасибо» этому фраеру! – пробурчал кондуктор, отрывая билет и отдавая его девушке.

Мы остались на задней площадке вдвоем. И тогда девушка, посмотрев на Лёдю, сказала:

– Спасибо, конечно! Но уж если вы такой порядочный... так отдайте кошелек тоже...

Вывез я тогда из Одессы много рассказов Лёди о знаменитом докторе Гишелине: он был домашним врачом тети Ани и родителей Утесова начиная с дореволюционных времен.

В ту пору этот всеми уважаемый медик был уже покойником и лежал на кладбище. Над его могилой возвышалась небольшая плита, на которой сверху черной краской было написано: «Здесь покойся...» А дальше «экономные» родственники поместили табличку с двери покойного: «Доктор А.М. Гишелин. Прием ежедневно, кроме воскресенья, от трех до семи».

Истории, рассказанные Утесовым

К доктору Гишелину приходит пациентка. Войдя в кабинет, она кладет врачу на стол две рублевых серебряных монеты (тогда за визит платили всего один рубль!).

– У меня важное дело, доктор! Очень важное!

– Понимаю: раз вы дали два рубля... Слушаю вас.

– Я недавно вышла замуж. И у мене с мужем ничего не получается!

– Это бывает... Но с чего пришли вы? Мне надо – в первую очередь – осмотреть вашего мужа.

– А я его привела!

– Так нехай он заходит, а вы там посидите!

Женщина вышла, а ее муж вошел в кабинет врача.

Говорили они минут двадцать, негромко, так что жена не могла слышать их разговора. Наконец, дверь открылась. Муж вышел, а доктор пригласил даму. Когда они остались вдвоем, врач тихо сказал:

– Да! Вы правы. У вас с ним ничего не получится...

– Почему?

– Не получится, и все!

– Но он же вполне здоровый человек?!

– Да. Он вполне здоровый, и, несмотря на это, с вами не получится.

– И по какой же причине?

– А вот этого я не могу вам сказать.

– То есть как «не можете»?!

– Врачебная тайна. Понимаете?!

– Нет. Не понимаю! Какая может быть «тайна», если я заплатила вам два рубля?!

– И все-таки... сказать не могу!

– А я требую!

– Предупреждаю, это будет для вас страшным ударом!..

– Не беспокойтесь, устою. Говорите!

– Ну, тогда держитесь! Я вас, мадам, предупредил.

И, встав из-за стола, доктор медленно и торжественно произнес:

– Ваш... муж... гомосексуалист!

Женщина схватилась за сердце. Покачала головой и тихо промолвила:

– Такая сволочь! А мене все время заверял... что он социал-демократ!..

Во внеурочный час к доктору Гишелину явился его добрый знакомый. Ясно, что дело было чрезвычайной важности, не требующее отлагательства. И произошел такой разговор:

– Доктор! Дорогой! Спасите!!!

– Что случилось?

– У меня вечером – свидание с любимой женщиной! Первое!!! Значит, самое ответственное!

– Ну и что?

– Нервничаю! Боюсь!

– Чего?

– Чтобы мой возраст не подвел... Чтобы не случилось осечки! Ведь это решающий момент в моей жизни! Сейчас – или никогда! Боюсь не оправдаться...

– Так, я не понимаю: что вы хотите? Чтобы я пошел вместо вас?!

– Нет! Но говорят, что есть такие пилюли... что очень бодрят...

Доктор усмехнулся:

– Не знаю. По-моему, от наших, отечественных, бывает только расстройство желудка.

– Нет! Заграничные!..

– Ну, так ищите их! Спрашивайте у матросов.

– Облазил весь порт! Безрезультатно... Я пропал!

– Понимаете... – сказал доктор. – Честно говоря, у меня есть две штуки.

– Умоляю!..

– ...Но я – тоже не мальчик!.. Берегу их для себя...

– Доктор! Спасите!!! Это же вопрос моей жизни! Моего счастья! Хотите, стану на колени?!

– Нет, не хочу!

И после секундного раздумья врач торжественно произнес:

– Ладно! Отдам их вам.

– Доктор! Дорогой! Дайте, я поцелую вашу руку!

– Не надо. Приготовьте лучше деньги, что я за них заплатил. Принять их надо обе – сразу. За час до встречи с вашей дамой. Завтра утром я вам позвоню: расскажете о результате...

В общем, дело состоялось, и друг, поцеловав врача, ушел счастливым.

На следующий день Гишелин позвонил этому приятелю:

– Ну, что?! Пилули «сработали»?

– Потрясающе! Неслыханно, я почувствовал себя мужчиной четыре раза!

– Поздравляю! Значит, вы довольны?

– Очень, доктор! Спасибо, родной!

– А ваша дама?

После паузы Гишелин услышал ответ пациента:

– Она?.. Она... не пришла!..

Доктор Гишелин открыл дверь кабинета. Перед ним стоял человек с выпученными глазами, широко открытым ртом – бледный как смерть. Пальцем человек указал на свой кадык.

Гишелин сразу понял: в горле – кость!

Усадив пациента в кресло, врач специальной машинкой мгновенно извлек рыбную кость. Пациент свободно вздохнул, заплакал от радости, обнял доктора и закричал:

– Гений! Ви спасли мене жизнь! Спрашивайте з меня все, что хотите!

Но так как Гишелин тоже был одесситом, он спокойно произнес:

– Не надо «все, что хотите!» Это много. Заплатите мне ровно десять процентов того, что вы хотели дать, когда кость еще была там! – указал он на горло визитера.

Звонок телефона. Гишелин снимает трубку и слышит:

– Доктор! (Сильный кашель.) У меня (кашель еще сильнее)...

– Я понял. Вы простужены и у вас ужасный кашель.

– Да! (Кашель.) Да! (Кашель еще сильнее.) Что делать?! Чтобы он (душераздирающий кашель)... перестал?!

– Идите в аптеку, купите бутылку касторки и выпейте ее всю сразу.

– И... что? (Кашель.) Пройдет? (Страшный кашель.) Ведь это же для желудка! (Кашель еще сильнее.)

– Я врач или вы?! Делайте то, что вам велено! А завтра я вам сам позвоню. – И доктор повесил трубку.

На следующий день Гишелин звонит этому пациенту. Тот снимает трубку. Врач спрашивает;

– Ну что? Еще кашляете?

В ответ раздался сдавленный натужный хрип:

– Н-н-нет! Боюсь!

Перед нашим уходом из Одессы на Кавказский фронт Утесов пересказал мне последнюю байку о Гишелине.

Это было вчера в нашей больнице. Пришла старуха к дантисту, но ошиблась и села у дверей гинеколога. Тот пригласил пациентку, усадил в кресло и внимательно осмотрел. Будучи опытным специалистом, врач, закончив обследование, сказал:

– Вы абсолютно здоровая женщина. Что вас, собственно говоря, беспокоит?

Старуха ответила:

– У меня зубы болят.

Доктор с раздражением:

– Так почему вы мне об этом сразу не сказали? Я бы столько времени там не копался!..

Старуха объяснила:

– Я думала, что вы там корни ищете!

Третья наша встреча произошла много лет спустя. В 1927 году. Утесовы покинули Одессу и переехали в Ленинград. Лёдя работал в театре эстрады «Палас». Я был вызван на Ленинградскую киностудию художественных фильмов – сдавать свой новый сценарий. Встреча была, как обычно, трогательно-радостной.

Лёдя готовил роль Хлестакова в небольшой оперетте «Ревизор». Сочиняли тогда и такие. Я часто бывал на репетициях и до сих пор помню отдельные фразы из выхода моего друга на сцену во втором акте. Он пел, обращаясь к городничему и остальным чинам городка:

Господа! Прошу садиться.
Без чинов и лишних фраз!
...каждый раз!

Уважаю вас сердечно
и бросаю важный тон.
Ну, а в Питере, конечно,
я держу другой фасон!..
Когда был болен генерал,
я службой управлял!
Летят ко мне курьеры
без счета и без меры,
и так, чтоб не соврать,
штук тысяч тридцать пять...

На балы я не жалею
все на самый лучший вкус!
Подают к столу лакеи
за семьсот рублей арбуз!
И с писателями всеми
я встречаюсь вечно тож.

Улучу, бывало, время:
– Ну, что ж, брат Пушкин,
как живешь?..
– Да ничего! – все отвечал.
Большой оригинал!

Пишу не для рекламы
я оперы, и драмы,
и шутки, водевили,
и все в подобном стиле!
Писатель я заправский,
и «Свадьба Фигаро»,
и «Юрий Милославский» —
мое, мое перо!

Родители Утесова – Иосиф Калманович и Малка Моисеевна Вайсбейн

Оперетта «Ревизор» не была показана зрителям. Цензура запретила ее демонстрацию как «наглую издевку» над творчеством Гоголя.

И тогда Лёдя занялся организацией Теа-джаза.

Последняя шутка, которую я услышал от моего дорогого друга, была им получена из его родного города.

«Одесса. Приморский бульвар. На скамейке сидят: слева – пожилая женщина с семилетним внуком, справа – старый почтенный человек.

В порт входит большой турбодизель-электроход. На корме большими буквами его название. Мальчик читает по складам:

– „Сер-гей Есе-нин“.

И тут же спрашивает:

– Бабушка, кто это был Сергей Есенин?

– Сейчас тебе скажу... – но задумывается.

– Бабушка, почему ты не отвечаешь?!

– Сейчас! Никак не могу вспомнить! Вертится на языке...

– Ну, бабушка!..

– Подожди! – резко обрывает она внука. Тогда вмешивается сидящий рядом старик:

– Странно! Весь город знает, а она не знает?!

Бабуся вспыхнула:

– Если вы такой умный, так скажите ребенку, кто это был Сергей Есенин?

И тогда дед произнес:

– Деточка! „Сергей Есенин“ – это бывший „Лазарь Каганович“!»

Вот и всё.

Моего дорогого друга Леонида Утесова я буду любить и помнить до конца своих дней!

Аркадий Райкин

Вспоминая Утесова¹

Если бы в 1939 году, во время конкурса (Первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады. – *Прим. ред.*), мне сказали, что вскоре мы с Утесовым станем большими друзьями, я бы ни за что не поверил. Подумал бы, что надо мною подшучивают. Солдат не может дружить с генералом. Это противоестественно. А Утесов для меня, и для всех нас, молодых артистов, принимавших участие в конкурсе, был больше чем генерал. Он был мэтр. Кумир. Он был Утесов.

Впрочем, нет более неподходящих слов для характеристики Утесова, нежели «мэтр» и «кумир». Когда он появлялся среди участников конкурса, ни о каком благоговении не могло быть и речи. Он постоянно рассказывал что-то анекдотическое из собственной жизни и терпеть не мог разговоры о «муках творчества».

– Если вы такой большой художник, что не можете без мучений, отойдите, пожалуйста, в сторонку и мучайтесь там себе на здоровье. Не надо портить жизнь другим. Она и без вас не такая сладкая...

Это – его слова. В тех или иных вариациях он повторял их в течение многих лет. Разумеется, в этих словах не было пренебрежения к творческому труду. Он сам был большой труженик, но считал – и, по-моему, вполне справедливо, – что никому не должно быть дела до того, какую ценой приходите вы к результату.

Робость начинающих артистов в общении с ним Утесова веселила. Ему это было приятно, хотя он и делал вид, что совершенно не замечает, как мы к нему относимся. И даже демонстративно подчеркивал, что между ним и нами нет никакой разницы. Ведь все мы – артисты, все мы – одна компания. Мы от этого еще больше «зажимались»: как водится в таких случаях, изъяснялись главным образом с помощью междометий. А некоторые бросались в другую крайность – в панибратство. Этих Утесов обдавал холодным душем той специфической одесской иронии, которая в литературе опоэтизирована, а в жизни бесцеремонна и бывает весьма неприятна не только для тех, на кого направлена, но и для всех окружающих.

Впрочем, издеваться над людьми Утесов не умел. Владея искусством поставить человека на место, он тут же все превращал в шутку, так что обижаться на него было невозможно.

Не стану утверждать, что Утесов был самым скромным человеком из тех, кого мне довелось встречать на жизненном пути. Не стану утверждать и то, что он был человеком изысканного вкуса и тонких манер. Но у него была душа артиста, и все, чего ему не доставало от природы или в силу воспитания (его университетами была сама жизнь), восполнялось обаянием и самобытностью его артистической личности.

Ощущать себя на вершине Олимпа, проявлять высокомерие к творческой молодежи, кичиться перед ней своими заслугами – такое никогда не могло бы прийти ему в голову.

На конкурсе я случайно стал свидетелем его разговора со Смирновым-Сокольским, который настаивал на том, чтобы жюри было более строгим в своих оценках.

– Перестань! – сказал Утесов. – Мы уже заслужили право хоть кого-нибудь похвалить.

¹ Райкин А. Воспоминания. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 1993.

Он был очень добрым человеком. Дар легкого общения, легкого восприятия помогал ему идти «с песней по жизни» даже в самые тяжелые времена, когда джаз объявляли «музыкой толстых», а его самого – «безголосым» и «проповедником пошлости».

Через год после конкурса он приехал в Ленинград. Я встретил его на вокзале. Мы обнялись. Мы были уже приятели. (Впрочем, я никогда не мог перейти с ним на «ты»: всю жизнь он говорил мне «ты», а я ему – «вы» и считал это в порядке вещей, несмотря на то, что он неоднократно предлагал мне «бросить церемонии».)

– Ты можешь сделать для меня одно одолжение? – спросил Утесов, как только вышел из вагона.

– Почему только одно?! – ответил я ему в тон. – Сколько надо, столько и сделаю.

– Но я прошу тебя только об одном одолжении. Правда, это не столько одолжение, сколько жертва. Боюсь, ты на нее не пойдешь.

– Если только в моих силах, – сказал я, разведя руками: мол, чего не сделаешь ради друга.

– Начинается! – воскликнул он с ироническим пафосом. – Я тебя еще ни о чем не успел попросить, а ты уже выдвигаешь условия. Что значит «в моих силах»? Я тебя сразу предупреждаю: это выше твоих сил.

– Что вы имеете в виду?

– Какая разница! Ты уже все сказал. Мне все ясно.

– Нет, вы, пожалуйста, скажите прямо. Вы же знаете: я все готов сделать для вас.

– Готов! – передразнил Утесов. – То, о чем я собирался тебя попросить, ты бы ни за что не сделал. У тебя нашлись бы тысячи отговорок, я бы расстроился, и наши отношения дали бы трещину. Спрашивается: кому все это нужно?! Конечно! Я тебя вообще ни о чем просить не буду. А тем более о таких жертвах, на которые ты просто не способен. Хотя то, о чем я собирался тебя попросить, в сущности говоря, пустяк.

– Послушайте, – сказал я, – может быть, хватит интриговать? Я даю вам честное слово, что сделаю все. Во всяком случае, вы меня уже довели до такого состояния, впадая в которое люди не знают пределов.

Аркадий Райкин, Леонид Утесов, Симона Синьоре и Ив Монтан. Декабрь 1956 года

– Действительно, довел? – деловито осведомился он и бросил на меня испытующий взгляд. – Тогда слушай. Я прошу тебя бросить все свои дела и провести этот день со мной.

Возникла пауза.

– Понимаете, – сказал я неуверенно...

– Нет, ты посмотри, какой день. Нет, ты возьми глаза в руки и посмотри. Кто знает, когда мы еще сможем побродить вместе по Ленинграду?

– Конечно, – сказал я, – все это прекрасно. Но вы должны меня понять. У меня как раз сегодня дел невпроворот. Вы даже себе не представляете. Меня ждут люди. Понимаете, это же официальные встречи... Ну что вы молчите? Слушайте, давайте перенесем нашу прогулку на завтра...

– Я так и знал, – сказал он с совершенно убитым видом. – Делай что хочешь. Нам не о чем больше разговаривать!..

Все-таки я не смог ему отказать. Я плюнул на все, и мы бродили до позднего вечера по городу, который стал родным не только для меня, но и для него. Хотя в то время он жил в Москве и любил ее, все-таки настоящий успех впервые пришел к нему именно в Ленинграде. Он шутя доказывал мне, что имеет право называть себя ленинградцем, – здесь родился его джаз. Бойтся только, что Одесса направит Ленинграду ноту протеста.

Для меня это был повод слегка его подразнить:

– Какого еще протеста?! Все вы, одесситы, немного «пикейные жилеты»...

– И это наше счастье, – неожиданно заключил он, как мне показалось, не шутя.

Под вечер он затащил меня в ателье знаменитого фотографа по фамилии Булла, с которым был коротко знаком еще с двадцатых годов. Перед фотоаппаратом мы разыгрывали комические сценки, дурачились: то он меня за ухо держит, то я его – за волосы, то мы оба такие рожи соорудим, что выдавший виды фотограф – профессор, а не фотограф – снимать от смеха не может. А напоследок всерьез сфотографировались. В обнимку.

В следующий раз мы встретились в Ленинграде только через пять лет, после войны. И опять бродили по городу. Но это уже было совсем не так беззаботно и весело, как в тот неповторимый день, когда он заставил меня сделать ему «одолжение».

Однажды летом мы всей семьей, включая двухлетнего Костю и пятилетнего пуделя Кузю, поселились в подмосковном поселке Внуково, на утесовской даче.

– Что может быть лучше дачи! – патетически воскликнул Леонид Осипович, приглашая нас к себе. – Что может быть лучше, особенно когда у вас на руках маленький ребенок, то есть когда вы связаны по рукам и ногам, то есть когда, с одной стороны, вам привалило большое счастье, а с другой стороны, вам просто ничего не остается, как только поехать на дачу и сидеть там все лето без всяких разговоров. Что? Вы терпеть не можете дачную жизнь? Она вам кажется слишком однообразной? Я вас не понимаю. Неужели вы такие черствые люди, что способны отказать маленькому ребенку в глотке свежего воздуха? Вот если бы я был ребенок, я бы жил на даче круглый год. Но, слава Богу, я давно уже не ребенок. Я говорю «слава Богу», потому что – конечно! – ничего не может быть хуже дачи, особенно когда она вам нужна примерно так, как рыбе зонтик. Мне, например, именно так она и нужна. Потому что я не люблю там жить, не хочу там жить и не буду там жить (разве что наезжать из необходимости, или, лучше сказать, из вежливости, или, чтоб уж совсем хорошо сказать, из сострадания к вам: чтобы вам не показалось, будто вы находитесь на необитаемом острове, хотя еще неизвестно, что лучше – настоящий необитаемый остров или такая жизнь, которая ни к селу ни к городу, то есть как раз на даче). И даже если вы будете очень упрашивать меня изменить свое мнение, то я вам скажу со всей прямоотой, что абсолютно согласен с теми, кто думает так же, как я. А если вам не хватает здесь философии, то я могу добавить, что никто, кроме нас самих, не будет платить за те глупости, которые мы совершаем. Хотя, конечно, то, что я решился приобрести дачу, еще не самая большая глупость в моей жизни. Во всяком случае, она не идет ни в какое сравнение с той глупостью, которую я совершаю сейчас, а именно: не решаюсь эту чертову дачу продать. Короче говоря (хотя, конечно, говорить короче мне трудно в принципе!), если есть в ней хоть какой-нибудь смысл и какое-нибудь оправдание мне, так это лишь то, что я могу предоставить ее в ваше распоряжение: живите, сколько вам нужно, мои дорогие, живите в свое удовольствие, а я на вас издали посмотрю. Посмотрю, что это будет за удовольствие.

Не ручаюсь за документальную точность изложения, но ручаюсь, что интонацию, а также временную протяженность этой утесовской тирады я передаю достаточно верно.

Леонид Осипович был известен среди своих близких друзей как воинствующий антидачник. Отдыхать он предпочитал в Кисловодске или в Доме творчества кинематографистов в Болшеве – где угодно, только бы подальше от Внукова. Когда же он все-таки приезжал на дачу, то тяготился этим чрезвычайно: скучнел, мрачнел и в конце концов выискивал какой-нибудь повод срочно вернуться в город.

Впрочем, где бы он ни находился, дачные проблемы настигали его повсюду и вызывали у него неподдельный ужас, хотя, как в любых других ситуациях, он при этом чувства юмора не терял.

– Представляешь, – жаловался он мне, – что сейчас является для меня самым срочным, самым безотлагательным делом? Ты думаешь, подготовка новой концертной программы? Ничуть не бывало! Самое главное – это воз, извини за прозу, дерьма, который (именно воз и никак не меньше!) необходимо экстренным образом раздобыть и доставить на наш дачный участок. В противном случае все погибнет.

– Что, собственно, погибнет?

– Ну, я не знаю. Все, что там растет. Клубника. Или картошка. Что-то такое у нас там растет. Растет и требует удобрений. Растет и требует.

До чего же, право, не шла ему роль хозяина дачи! При том, что в ином случае Утесов вовсе не производил впечатления человека непрактичного и бесхозяйственного. Просто в дачной тишине и в дачных хлопотах он чувствовал себя не в своей тарелке. Для других такая тишина, такая размеренность, такая возможность переключиться, отрешиться от повседневной суеты – мечта заветная, рай земной. Для Утесова же, человека бурных общений, это было сущим наказанием.

Быть на публике, ощущать живую реакцию людей на каждую свою реплику, самому реагировать встречной репризой, то ли развивая мысль собеседника, то ли парируя ее, но, как бы то ни было, всегда обнаруживая готовность к ответу, к такому продолжению диалога, из которого тут же вытекает утесовский монолог, импровизированный сольный номер, – все это было для Леонида Осиповича своеобразным способом жизнетворчества. Он не представлял себя вне публики, вне хорошей компании.

В этом смысле Дом творчества в Болшеве подходил для него идеально. Круг собеседников там широк и постоянно меняется: это, если угодно, круг-поток. Все это люди, объединенные профессиональными, цеховыми интересами, что имело далеко не последнее значение для Леонида Осиповича как яркого, выдавшего виды рассказчика неправдоподобных театральных былей и правдоподобных театральных небылиц.

...Когда ему удалось наконец продать дачу, счастливее его на свете никого не было.

Несколько лет подряд мы отдыхали вместе в Кисловодске. Но я не могу с уверенностью сказать, когда и как отдыхал Леонид Осипович.

Сразу после завтрака, даже не выходя из корпуса, в котором помещалась столовая нашего санатория, он находил себе публику и самым добросовестным образом на эту публику работал. Даже в те редкие минуты, когда он чувствовал, что пора остановиться, зрители, заведенные этим бесплатным представлением, не отпускали его, да он и не сопротивлялся.

Так проходило время до обеда.

Во время обеда он жаловался мне (но так, чтобы это слышали и за соседними столиками), что у него здесь, в санатории, «переработка» и что после отдыха в таком санатории впору ложиться в больницу.

– Кстати, доктор, вы не хотите проверить мой пульс? – продолжал он без паузы, по-прежнему обращаясь ко мне. – По-моему, у меня уже нет пульса.

Так он втягивал меня в игру. Я увлекался, и мы начинали импровизировать, изображая попеременно то врача, то пациента.

Вот, скажем, врач (Утесов), щупая пульс, смотрит на часы больного, которые интересуют его явно не с медицинской точки зрения.

– Швейцарские? – спрашивает врач.

– Швейцарские, – отвечает больной.

– М-да. Я мог бы вас и не спрашивать. Это видно за десять километров... А скажите, пожалуйста, больной, туфли у вас, как я погляжу, тоже... да?

– Нет. Туфли не швейцарские.

– А чьи же?!

– Чехословацкие.

– Все-таки! А пиджак?

– Гэдээровский.

– М-да. Так я и думал.

Тут врач погружается в глубокое раздумье и после паузы восклицает с возмущением:

– Так на что же вы жалуетесь?!

Вариантов у этой сценки было множество, каждый раз мы придумывали что-нибудь новое, и в конце концов получился сатирический номер, в котором высмеивалось непомерное увлечение «тряпками».

На даче с Еленой и скотч-терьером Кузей

Я решил включить его в один из спектаклей нашего театра. Конечно, на сцене у меня был уже другой партнер, но рождением этого номера наш театр обязан Утесову.

Обычно люди, которые очень любят быть в центре внимания, не очень любят возиться с детьми. Но Утесов легко находил с детьми общий язык и не скучал с ними. Когда Костя немного подрос и мы взяли его с собой в кисловодский санаторий, Утесов подолгу гулял с ним по аллеям и разговаривал, как со взрослым. Он говорил нам с Ромой, что еще неизвестно, кто из них двоих получает от этого больше удовольствия.

Но как-то раз он сказал с грустным видом:

– Аркадий, ты только не огорчайся, но, к сожалению, нашей дружбе с Костей пришел конец.

– Что вы не поделили?

– Понимаешь, в этом санатории обнаружилась одна фигура, которая, как видно, является для него таким авторитетом, что мне и не снилось.

– Такого человека не существует в природе, а не только в этом санатории, – сказал я. – Но даже если бы он существовал, вы, Леонид Осипович, справились бы с ним в два счета.

– Разумеется, – согласился Утесов. – Но эта авторитетная фигура вовсе даже не человек.

– ??

– Это лошадь. И, что самое обидное, ничем не выдающаяся лошадь. Во всяком случае, я не нахожу, что у нее есть определенные преимущества передо мной.

– Что ж, может быть, она не так разговорчива, как вы?

– Может быть. Но какое же это преимущество?! Как я понимаю, это как раз недостаток. Кажется, он был не на шутку озадачен.

А дело заключалось в следующем. Каждое утро старичок мусорщик вывозил из санатория мусор на повозке. В повозку была впряжена лошадь, такая же старая, как ее хозяин, и когда хозяин отлучался, Костя отваживался ее погладить. Надо также сказать, что старичок, на самом деле вполне безобидный и, как вскоре выяснилось, словоохотливый, казался Косте суровым и неприступным. Наблюдая с почтительного расстояния за тем, как старичок грузит на повозку мусорные банки, он испытывал трепет.

– Знаешь, Аркадий, – сказал Утесов за обедом, так, чтобы слышал Костя, – у нас в санатории объявилась одна замечательная лошадь. Я хотел бы с ней познакомиться, но дело в том, что никто не может меня ей представить. Может быть, ты это сделаешь?

– Я тоже с ней незнаком, – подыграл я ему.

– Я знаком! – сказал Костя. – Но у нее есть хозяин. Мусорщик! Он может рассердиться.

– Я думаю, он не рассердится, если узнает, что у нас честные намерения, – возразил Утесов. – И вообще я должен тебе сказать, что мусорщики, а также извозчики, конюхи и жокеи, не говоря уже о таких аристократах, какими являлись биндюжники, в принципе гораздо более приятные люди, чем, например, артисты. И знаешь почему? Потому что, когда человек постоянно общается с лошадьми, это его облагораживает. А когда человек постоянно общается с людьми, то это еще бабушка надвое сказала. Впрочем, ты меня не слушай. Кажется, я говорю что-то не очень педагогичное.

На следующее утро Утесов и Костя отправились общаться с лошадью и ее хозяином. Мы с Ромой наблюдали эту сцену издали: надо сказать, она была так выразительна, что ее не требовалось «озвучивать».

Одной рукой Утесов держал за руку робеющего Костю, а другой придерживал огромную войлочную панаму. Ее не обязательно было надевать в такой ранний час, но он надел, как я заподозрил, специально для того, чтобы почтительно приподнять ее, приветствуя как старика, так и лошадь. Затем Утесов и мусорщик вступили в беседу, и, если судить по оживленной жестикуляции собеседников, беседа представляла интерес для обеих сторон и проходила в атмосфере полного взаимопонимания. В довершение всего сияющий Костя был посажен на козлы, и в его честь лошадь совершила круг почета.

– Леонид Осипович, о чем вы с ним разговаривали? – спросил я, когда он подошел к нам, возбужденный не меньше, чем Костя.

– О Бернарде Шоу.

– Нет, серьезно.

– И я серьезно. Я сказал ему, что у меня был один знакомый по имени Альфред Дулитл, тоже мусорщик, один из самых оригинальных моралистов в Англии.

– А он что?

– Он ответил, что у него в Минеральных Водах есть один знакомый киоскер, который в детстве изучал английский язык, но теперь уже, конечно, все забыл, и вообще очень мучается, потому что болен язвой желудка.

– И что же вы на это сказали?

– Я сказал, что жизнь есть жизнь и что я, между прочим, тоже не знаю английского языка, но, с другой стороны, это не самое страшное, если мы еще можем вот так вот встретиться и поговорить на своем языке.

– Вы думаете, он вас понял?

– Ты еще спрашиваешь? Он сказал, что вообще-то предпочитает разговаривать со своей лошадью, но теперь убедился, что поговорить со мной почти так же приятно.

С той поры до самого нашего отъезда из Кисловодска они дружили вчетвером – Костя, Утесов, мусорщик и лошадь.

Как-то раз, возвращаясь домой из Кишинева, я оказался по милости нелетной погоды в Одессе. До самолета на Ленинград оставалось часа три-четыре, и я решил прогуляться по городу. Иду и думаю об Утесове. О том, как он любит и не любит Одессу. Конечно, Одесса для него символ, легенда, и сам он в известной степени ее символ, ее легенда. Но ведь недаром он все реже и реже сюда приезжает. Как видно, между ними сложились такого рода отношения, которые можно поддерживать только на известном расстоянии... Так я размышляю и вдруг вижу: на афише – Утесов. Гастролирует в Зеленом театре. До начала представления – минут сорок. Было бы грешно не заглянуть к нему. Так я и сделал.

Он обрадовался, но тут же заявил, что так просто не отпустит меня: хороший экспромт требует достойного развития.

– Мы вот что сделаем, – стал фантазировать он. – Ты сядешь в ложу, скромно, незаметно, а я, между прочим, скажу: «Знаете, кто у нас тут в ложе? Райкин». И вызову тебя на сцену. Идет?

– Нет, не идет. Во-первых, это ваш концерт, а не мой. Во-вторых, я устал и не готов выступать. В-третьих, что мы будем делать на сцене вдвоем?!

– Вот это и есть самое интересное! – воскликнул Утесов. – Или, может быть, ты хочешь сказать, что мы не найдем, что делать? Так грош нам цена после этого!

Разумеется, он настоял на своем. (Да и был ли за все годы нашей дружбы хоть один такой случай, когда бы я в чем-нибудь не уступил ему!) И, надо сказать, я нисколько не пожалел об этом импровизированном выступлении. Утесов, как и в жизни, на сцене был прекрасным партнером. Публика долго не хотела нас отпускать.

– Вот теперь можешь лететь домой, – сказал он на прощание. – Теперь я спокоен.

Утесов часто ругал меня за то, что в работе я не щажу себя, не экономлю силы. Во-первых, это было преувеличением: я всегда старался выстраивать свой рабочий день таким образом, чтобы самому управлять своими делами, а не так, чтобы дела управляли мной. Во-вторых же, слышать эти упреки именно от него было даже забавно: по части подобной «неэкономности» ему равных не было. Насколько щедро он был одарен природой, настолько же был щедр и, я бы сказал, расточителен и в искусстве, и в жизни.

Вместе с тем мне всегда казалось, что он обкрадывает себя, как бы махнув рукой на свое дарование драматического артиста. Об этой, так и не развившейся, грани утесовского таланта мы можем теперь судить только по фильму «Веселые ребята». А это, на мой взгляд, весьма трудно, ибо теперь архаичность кинематографического языка этой картины, при всей ее законной легендарности, бросается в глаза, и мы воспринимаем ее с поправкой на время. К сожалению, его участие в спектакле Центрального театра транспорта «Шельменко-денщик» в середине 50-х годов осталось незафиксированным.

Но я-то помню Утесова в его знаменитой бенефисной программе «От трагедии до трапедии»! Там, как известно, он демонстрировал самые разнообразные умения: не только пел песни, исполнял отрывки из оперетт, бил чечетку и играл на скрипке, но даже выступал в роли Раскольников (его партнером, игравшим Порфирия Петровича, был известный в ту пору артист Кондрат Яковлев). Так вот, я убежден, что он совершенно напрасно не делал подобного в дальнейшем. В особенности памятно мне, как он читал рассказы Бабеля и Зощенко.

Впрочем, есть известный анекдот, отчасти объясняющий решительное нежелание Утесова, как он сам говорил, распыляться. Приходит человек наниматься в цирк на работу. Его спрашивают, что он умеет делать. Человек отвечает: умею, мол, ходить по проволоке под куполом цирка и одновременно играть на скрипке. Хорошо, говорят ему, продемонстрируйте свое умение, а наш эксперт скажет, берем мы вас или не берем. Эксперт посмотрел, как тот

человек работает, и сказал: не берем. Человек удивился: разве я вас обманывал? Нет, сказал эксперт, но на скрипке Ойстрах играет лучше.

Так вот, Утесов всегда стремился к тому, чтобы никто, ни при каких обстоятельствах не мог сказать ему нечто подобное. В этом смысле его профессиональная совесть была образцовой. И потом, он так любил джаз, что готов был всем на свете ради него пожертвовать.

Леонид Утесов, Аркадий Райкин с маленьким Константином. Кисловодск, 1954 год

Его отношения с оркестрантами – тема особая, и она еще ждет своего рассказчика. Он был как бы главой большой семьи. В ней далеко не все было идиллично, но при своей колоссальной требовательности Утесов относился к каждому из музыкантов с нежностью поистине родственной. Если кто-то уходил из оркестра, то это было не иначе, как изгнание. А если кто-то возвращался, то это было не иначе, как возвращение блудного сына. С меньшим пафосом Утесов жить не мог.

Одно время в оркестре нашего театра работали два бывших утесовца – дирижер Алексей Семенов и саксофонист Аркадий Котлярский. Впрочем, первый из них пробыл в оркестре Утесова недолго (он ушел, привлеченный возможностью создать свой оркестр, солисткой которого была Клавдия Шульженко). Зато «утесовский» стаж Котлярского – 32 года. Вот человек, который знает о Леониде Осиповиче буквально всё.

Недавно Котлярский, услышав, что я работаю над мемуарами, признался мне, что занят тем же самым, и дал почитать рукопись. В ней автор вспоминает о людях, многие из которых вошли в историю советского искусства. Кроме того, он рассказывает о собственном опыте, опыте одного из пионеров нашего джаза. Во всяком случае, я читал эту рукопись с увлечением, и, надеюсь, она еще найдет дорогу к широкому читателю.

Котлярский вспоминает первых советских джазменов, собиравшихся в двадцатые годы для репетиций в квартире у Я. Скоморовского. Их поражало, что Утесов, вначале даже не знавший нот, довольно быстро научился читать партитуру и, стоило ему только захотеть, мог овладеть любым инструментом. Самое любопытное в этом свидетельстве музыканта состоит, пожалуй, в том, что ощущение природного дара у Утесова не только не притуплялось с годами, но развивалось, усиливалось. К сожалению, не было придумано такой формы, где могли бы проявиться все его таланты.

И чем шире становилась популярность Утесова, тем больше возникало вокруг его имени всяческих небылиц, досужих рассказней. То говорили, что он бывший уголовник, то утверждали, что он горький пьяница, и даже – что у него «искусственное горло». Когда отмечалось пятнадцатилетие советского кино, создатели и участники фильма «Веселые ребята» были отмечены званиями и орденами, а исполнитель главной роли Утесов получил фотоаппарат. Леонид Осипович горько иронизировал по этому поводу в своей книге «Спасибо, сердце!».

Хорошо помню свой давний разговор с одним из руководителей искусства. Разговор, убедивший меня в том, сколь небезобидны бывают последствия обывательских сплетен.

Этот руководитель был «брошен» на искусство из совершенно другой сферы и ровным счетом ничего в нем не понимал. Я пришел к нему как-то по делам нашего театра. В конце разговора он, будучи в весьма миролюбивом настроении, попросил меня объяснить, что такое эстрада и с чем ее едят. Я стал растолковывать и в качестве примеров перечислил представителей разных жанров: мол, эстрада – это и хор Пятницкого, и братья Гусаковы, и Рина Зеленая, и, наконец, Утесов... Услышав имя Утесова, он неожиданно побагровел и ударил по столу кулаком:

– Об этом проходимце ты мне ни слова не говори!

Разумеется, я выразил удивление, почему вдруг любимец народа вызывает у него такую ярость. То, что он мне ответил, было до такой степени за гранью здравого смысла, что я бы и не поверил, если бы не услышал своими ушами:

– Утесов хотел на шине Черное море переплыть, удрать в Турцию.

Я сначала даже не нашелся, что сказать. Но передо мной вроде бы не сумасшедший сидел. Во всяком случае, человек при должности, и немаленькой. Взяв себя в руки, я возразил как можно более спокойно:

– Зачем же Утесову – на шине?! Он не раз ездил с семьей в Париж. Так что, если бы ему очень хотелось в Турцию, он бы давно это сделал менее сложным способом.

– Ты правду говоришь? – спросил мой собеседник, как мне показалось, искренне обескураженный. – Если это правда, мы пересмотрим к нему свое отношение.

Когда Леониду Осиповичу исполнилось 80 лет, работники искусств чествовали его с таким размахом, изобретательностью и, главное, искренностью, что ни у кого не могло возникнуть сомнения: да, это – очень достойный, очень любимый и очень удачливый человек. И вместе с тем я в тот вечер думал: если бы было в моей власти, я бы сделал так, чтобы талант этого человека был отмечен общественным признанием гораздо раньше, а не в конце жизни, когда оно приходит словно бы в качестве компенсации.

И еще я думал о том, до чего же Утесов не соответствует известному постулату, по которому художник каждую свою новую работу должен делать как последнюю, на пределе нравственных и физических сил. У Утесова все было по-другому. Он работал легко. Он излучал эту легкость. Даже когда имел основания думать, что по не зависящим от него причинам не сможет довести работу до конца, как бы отмахивался от этой мысли, да и от всего, что могло бы сковать его голос, помешать ему петь.

Владимир Этуш

Утесов, Дунаевский, Райкин и другие

Не рискну сказать, что с Леонидом Осиповичем мы были друзьями, скорее – хорошо знакомыми. С женой Ниной бывали у него на Каретном, он с Еленой Иосифовной – у нас в «Украине», где мы жили в квартирном корпусе.

А познакомились мы в пятидесятых годах в Доме актера ВТО – он находился тогда на углу улицы Горького и Пушкинской, – на посиделках. Не знаю, в чем тут дело: то ли Утесов был таким контактным человеком, что располагал к себе, то ли он почувствовал во мне родственную душу, но мы сразу подружились. Особенно когда он отдыхал в Доме творчества в Рузе. Здесь дня не было, чтобы мы не встречались.

А когда случались интересные вечера в ВТО, то директор Дома Александр Моисеевич Эскин устраивал в своем кабинете «посиделки» для узкого круга – Утесова, Туманова, Плятта и меня. И, конечно, Леонид Осипович на этих легких застольях был главным.

Помню, в вечер семидесятилетия Александра Моисеевича мы придумали суд над юбиляром. Роль адвоката досталась Славе Плятту, прокурора – мне, а Утесову – свидетеля Аарона Родионовича, воспитателя подсудимого (по аналогии с Ариной Родионовной). Самому Леониду Осиповичу тогда уже стукнуло 80, но перед выступлением он меня попросил:

– Володя, пожалуйста, принесите мне бородку из театра.

Я ему говорю:

– Ну зачем вам связываться с гримом? Вы и так замечательно выступите!

На что он возразил:

– Нет, вы не понимаете, я же старика должен сыграть!

У него была такая погруженность в стихию искусства, что он не замечал своего реального возраста. И это прекрасно! Утесов блестяще выступил воспитателем виновника торжества, импровизировал так, что взрывы смеха в зале возникали после каждой его реплики.

Мне представлялся он ходячей историей нашей эстрады, если не всего театра. Столько, сколько знал он, не знал ни один искусствовед. А уж рассказывать так, как это делал он, точно никто не мог. Подтверждаю это от лица широкого круга избранной общественности. Со слов Утесова я узнал многое, о чем и догадаться не мыслил.

В 1939 году вместе с Дунаевским он возглавил жюри Первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Борьба за звание лауреата шла на нем суровая: ведь других званий у тех, кто работал на эстрадных подмостках, тогда ни у кого не было. Утесов с Дунаевским на всех прослушиваниях сидели всегда рядом. После выступления одного из конкурсантов Исаак Осипович наклонился к Лёде:

– Ну как?

– На два года.

– Что – на два года? – не понял Дунаевский.

– На два года зрительского внимания, – ответил Утесов. – Дальше – тишина.

Они посмеялись, но игра продолжалась. Теперь Дунаевский почти после каждого претендента на лауреатство спрашивал Утесова: «На сколько?» Случалось, они спорили, но чаще приходили к согласию.

И после выступления Аркадия Райкина Дунаевский сразу спросил:

– А этот на сколько?

– Навсегда, – ответил Леонид Осипович. – Пройдут года, десятилетия, он будет так же интересен людям, как нам сегодня.

Владимир Этуш. 1950-е годы

– Думаю, ты прав, – согласился Дунаевский. – Время покажет, правы ли мы...

О Дунаевском Утесов вспоминал всегда с трепетом. Дружба с ним не погасла, даже когда его не стало.

– Продал свою дачу, – сообщил Утесов, в дачном поселке Внуково он соседствовал с Дунаевским. – Дуни нет, общаться не с кем. Копаться в грядках или бездельно дышать свежим воздухом не по мне.

Нас пригласили на юбилей Райкина. Сцену завалили цветами. В кресле слева, под золотистой цифрой 50, – Аркадий Исаакович. Мы сидим справа, среди «поздравлянгов».

– Дуня сегодня сказал бы, что мы не ошиблись, – шепчет мне Леонид Осипович.

Одним из первых к микрофону подходит заместитель министра культуры Зайцев.

– Дорогой Аркадий Александрович! – обратился он к юбиляру, не заметив легкого движения в зале. – Вы, Аркадий Александрович, славное лицо нашего эстрадного искусства...

Вслед за ним слово получил Утесов:

– Аркаша! Поскольку главная примета твоего города – Исаакиевский собор, а ты примечательность неменьшая, позволь называть тебя Аркадий Исаакович! И прошу тебя, не расстраивайся, что твое имя не знают работники Министерства культуры: их много, а ты один!..

На отдыхе в Рузе Леонид Осипович сыпал историями. Он любил наш театр, часто бывал в нем. Не забывайте, что его Дита закончила вахтанговскую школу под руководством Рубена Николаевича Симонова. Восторгался работой Кати Райкиной в «Золушке» Шварца, хвалил меня за моноспектакль «Голос», что показали по телевидению. А однажды спросил меня:

– Ты знаешь, как скончался ваш знаменитый вахтанговец Борис Васильевич Щукин? Говорят, это произошло тогда, когда объявили о присуждении ему Сталинской премии за роли Ленина в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Миша Зощенко рассказал мне, что в этот день они сидели с Юрием Олешей в кафе «Националь». Вдруг к ним подошел один из общих знакомых и трагическим голосом сообщил:

– Только что умер величайший актер нашей эпохи, гениальный исполнитель роли Ленина – Борис Щукин.

За столиком воцарилось молчание, а подошедший продолжил:

– И знаете, как он умер?

– Как? – спросил Олеша.

– С томиком Ленина в руках!

Снова возникло молчание, и через паузу Зощенко резюмировал:

– Подложили!..

Утесов долго мечтал об автомобиле. У Дунаевского еще в 1939 году появилась роскошная машина иностранного производства, цвета слоновой кости, – предмет всеобщей зависти. Когда уже после войны Леонид Осипович объявил жене, что хочет купить «Победу», она сказала:

– Ты уже накопил на нее? Так вот, купишь, когда у тебя будет на три машины!

И однажды, приехав с гастролей, он видит на перроне Елену Иосифовну и Диту. Все вместе они вышли на привокзальную площадь и остановились возле «Победы» цвета слоновой кости. Елена Иосифовна протянула мужу ключи:

– Вот, твоя! Не хуже Дунаевского!

Утесов, кстати, превосходно водил ее и оберегал, как маленького ребенка.

Леонид Осипович не раз признавался, что побаивался жену. Она была его самым строгим критиком, не считаться с которым он не мог.

Как-то в утесовский оркестр пришел новый скрипач – будущий композитор Ян Френкель, еще не родивший ни одной песни, человек огромного роста – два с лишним метра. Как только была отрепетирована очередная новая программа, на ее предварительную приемку пришла Елена Иосифовна.

– Лёдя, – спросила она мужа, – ты что, не видишь, кто сидит у тебя на третьем пульте?

– Френкель, – ответил Утесов.

– Да. Наверно. Но когда он зашевелит усами, смотреть будут только на него. Ты можешь не выходить на сцену.

Усы у Яна Абрамовича действительно были огромные, черные, торчащие в стороны. Его попросили сбрить их. Он согласился: другой работы в ту пору не было!

Уже почти перед самой премьерой Елена Иосифовна, негласный директор оркестра, пришла ознакомиться с результатами сделанного.

– Лёдя, – снова она обратилась к мужу, когда прослушала всю программу, – дирижируя, ты видишь оркестр? Хоть иногда? Этот, который теперь без усов, он же коленями упирается в скрипку! У тебя цирк или джаз? Если цирк, ставь программу на него, отдай ему дирижерскую палочку, а сам уйди со сцены.

Елена Иосифовна, как всегда, оказалась права. Ее поддержали музыканты, и Френкелю пришлось уйти, затаив обиду.

Между прочим, в репертуаре Утесова ни одной песни уволенного скрипача никогда не появлялось.

Друзья Утесова становились близкими мне. Эрдман обеспечил мой успех в шекспировских «Двух веронцах», где мне дали роль Лаунса. Для меня и моего партнера Николай Робертович написал пять(!) блистательных интермедий, с восторгом принимаемых публикой и на спектаклях, и в концертах.

Исаак Дунаевский

Диалог с конфликтом

В манере рассказов Утесова одна особенность. Он не любил описывать события. В его изложении они приобретали форму диалога. Будто все важнейшее в жизни решалось в разговоре. И от этого то, о чем он говорил, становилось динамичнее и острее. Он редко тратил время на картины природы, погоды, поиски связи между происходящим и объяснения их причин. Если хотите, Утесов сознательно или на уровне подсознания стремился к драматургии. С обязательным конфликтом. Пусть не антагонистическим, но требующим спора. Хотя бы дружеского. Без него-то и диалог ни к чему!

«Надо было делать новую программу, – начал как-то Леонид Осипович. – Зацепиться не за что. Я говорю Дуне [Дунаевскому]:

– Почему ты перестал давать мне новые песни?

– Я же написал для твоего Вудлейга в „Темном пятне“ десяток номеров! – начал возражать он.

– Когда это было! Два года назад. И там нет ни одной песни – только дуэты и ария для меня.

– Скорее ариозо, – поправляет Дуня с улыбкой.

– Какая разница! – продолжаю наступать я. – Мы накануне десятилетия нашего джаза. С чем я приду к юбилею?!

– Не могу ничего обещать. Кино навалилось так – не продохнуть! Возьми что-нибудь из фильмов. Хотя бы „Каховку“ из „Трех товарищей“ – песня в твоём стиле, а стихи там Михаила Светлова, дал бы Бог всегда такие.

– Дуня, мне нужно новое, оригинальное, никогда и нигде не звучавшее. Есть же еще и честь мундира!

Он усмехнулся, на том и расстались. Дня через три звонит мне:

– Старик, я придумал. Музыканты у тебя первого класса, я сделаю для тебя оркестровую пьесу минут на пятнадцать! Туда войдет все лучшее, что у меня было в фильмах за последние годы. Начиная, между прочим, с „Веселых ребят“.

– Дуня, Шопениана – для Большого театра! Нам твои пятнадцать минут будут длиннее сорока пяти балетных: мы же все-таки джаз.

– Но ты же всегда выступаешь за эксперименты! Почему у тебя не может прозвучать, скажем, Дуниана подлиннее, чем трехминутная песня. Попробуй! Мне кажется, публика будет рада услышать в джазе изложение знакомых мелодий, узнавать их, отгадывать, где какая появилась...

Дунаевский оказался прав. Его фантазия прошла в концертах на ура. Правда, мы из-за боязни, а вдруг публика не примет новую форму и заскучает (15 минут все-таки!), слегка театрализовали ее. „Марш веселых ребят“ оркестр играл стоя, в фокстроте из „Концерта Бетховена“ он изображал движение поезда, в первой части „Дунианы“ вальс танцевала наша балетная пара, а во второй – под мелодию „На рыбалке, у реки“ из „Искателей счастья“ ударник Коля Самошников и скрипач Альберт Триллинг вернулись к своей прежней профессии – отбивали чечетку.

И Исаак Осипович был доволен: несмотря на занятость, пришел на ленинградскую премьеру, похвалил, не удержавшись от упрека:

– Ты не можешь без своих теа-штучек, но я привык к ним. И публику ты приучил к ним тоже.

И засмеялся. Он хорошо знал меня. Ведь нашей дружбе к тому времени – шел 1936 год – можно было праздновать юбилей: ей исполнилось 15 лет».

Исаак Дунаевский, Леонид Утесов, Дмитрий Шостакович во время работы над музыкальным спектаклем «Условно убитый». 1931 год

Первая встреча

Первое выступление Утесова в Москве оказалось связанным с Дунаевским. Он аккомпанировал «Куплетам газетчика» и песням, что тогда пел дебютант. Дунаевский сидел за роялем, не вставая все два отделения концерта. Под его аккомпанемент работали певцы, акробаты, опереточная пара, жонглеры-эксцентрики, танцоры-чечеточники и даже солисты балета с классическим па-де-де. Играл он вдохновенно, но не тянул одеяла на себя, а оставался в тени, почти незаметным.

Утесову сразу приглянулась неброская манера московского пианиста. В антракте они разговорились. Утесов, хотя и был старше всего на пять лет, почувствовал себя умудренным жизненным опытом человеком, семейным к тому же, беседующим с неоперившимся птенцом, скорее всего, вчерашним вундеркиндом. Он был совсем юным, с лицом, по-городскому лишенным загара, и две наметившиеся залысинки в шевелюре не прибавляли ему лет.

Утесов неожиданно прочел ему с выражением:

Юноша бледный со взором горящим,
Ты укуси меня. Сладкая боль.
Не нажимай выключатель —
Видеть тебя мне позволь.

— Откуда это? — спросил Дуня (он сразу попросил называть его так).

— Это читал у нас в Кременчуге чтец-декламатор, — объяснил Утесов. — Не читал, а подвывал «под Вертинского». Напудренный, как Пьеро. Тогда были в моде и эта манера, и такие стихи. Девочки закатывали глаза и визжали от восторга.

Они быстро выяснили, где кто родился, где скитался и служил. Дунаевский сказал, что выбрался в Москву, чтобы подработать на жизнь. В Харьковском драмтеатре, где он музруководитель, платят гроши. Билеты раздавали бесплатно, актеры жили на скудные субсидии. И теперь, когда снова заработала касса, харьковчане неохотно раскошеляются на театр, хотя постановками в нем можно гордиться — Синельников делает их великолепно.

— Так вы служите у Синельникова?! — воскликнул Утесов. — Николай Николаевич замечательный мастер. Говорят, пройти его школу — значит закончить сценический университет. Но вы-то что делаете у него? Он же оперетт не ставит! И водевилей тоже.

Дунаевский возразил, что как раз теперь Синельников готовится к постановке «Периколы» Оффенбаха и ему поручена новая инструментовка этой оперетты, а кроме того, почти в каждый спектакль режиссер вводит музыку. Так что без дела сидеть не приходится. Перед отъездом в Москву он закончил клавиры к пьесам «Канцлер и слесарь» Луначарского и «Уриэль Акоста» Гуцкова.

— И еще... Еще... — Он запнулся. — Я написал скромный опус — квартет на текст «Песни песней» Соломона, посвятив его одной актрисе...

И замолчал, не сказав больше ни слова.

— Как я вас понимаю, — сочувственно кивнул Утесов. Расспрашивать о чем-либо было явно не к месту.

Много позже Дунаевский рассказал, как в 1919 году, закончив консерваторию и поступив в Харьковский драмтеатр, без памяти влюбился в самую яркую звезду сцены, роскошную женщину Веру Юреневу. У ее ног толпились десятки поклонников. На что тут можно рассчитывать! Но неожиданно Вера Леонидовна заметила молодого музыканта и не оставила его без внимания.

– Это была любовь неповторимая, – признался Дунаевский. – Мне и теперь кажется, что она забрала мою жизнь в мои двадцать лет и дала мне другую. А квартет «Песня песней» я никому не показываю, спрятал его и храню как память о моей любви. Не слыхала его и она, исчезнувшая так же быстро, как и появилась.

Он родился в многолюдной семье: кроме него пять братьев и сестра. Это в Лохвице, на Полтавщине. Отец – банковский служащий, выпускавший в свободное от работы время славящуюся на весь городок фруктовую воду, мать занималась воспитанием детей и тоже славилась среди горожан чудесным голосом. Вся семья Дунаевских была необычайно музыкальной. Исаак уже в шесть лет знал нотную грамоту – раньше азбуки! А в восемь начал учиться игре на скрипке. Через два года он едет в Харьков, где поступает в музыкальное училище в скрипичный класс.

Но скрипка не стала его главным увлечением. В тринадцать лет он сочинил первый вальс для фортепиано, который посвятил своей первой любви. А в пятнадцать написал за год 58 фортепианных пьес! Немало! И каждая из них имела посвящение уже другой «Ей, единственной!». Чувства делающего первые шаги композитора не нашли тогда ответа и все, что выходило из-под его пера, окрашивалось в элегические тона. Да и названия пьес говорили сами за себя: «Одиночество», «Тоска», «Слезы», «В моменты грусти»...

Но вот одна странность: в самых меланхолических сочинениях Дунаевского всегда звучит надежда, «оптимистический минор», вера, что светлое начало возьмет верх.

Я рассказал Леониду Осиповичу об эпизоде, который, получается, связан с Дунаевским.

В середине пятидесятых годов мне, учившемуся в аспирантуре Московского университета, изменили тему диссертации. Вместо исследования значения рецензентской деятельности «Правды» для развития советского искусства, ставшей почему-то никому не нужной, предложили писать о журналисте Михаиле Кольцове, тогда только что реабилитированном. Мой новый научный руководитель предложил начать сбор материала с опроса людей, которые когда-то знали Михаила Ефимовича.

В моем длинном списке оказалась и Вера Леонидовна Юренева. Она очень быстро, буквально после первого звонка, назначила встречу у себя дома на Стромынке, как раз напротив студенческого общежития МГУ.

Меня встретила очень немолодая, по-старомодному эффектная женщина, полная достоинства, с любезной улыбкой, показавшейся мне строгой, и удивительно певучей речью, какую в те годы почти не приходилось слышать. Она несомненно оставалась очаровательной, хоть я с высоты своих двадцати лет, сознаюсь, не оценил это. Какой она была прежде, я увидел на фотографиях, которыми в два ряда был уставлен комод.

– Ну и что же она сказала? – поторопил Утесов.

– Вспоминала о большой любви, что была между ею и Кольцовым. Она играла уже в Ленинграде, он, начинавший завоевывать популярность московский репортер, в ночь на каждую субботу отправлялся на поезде к ней. В те годы это было совсем не просто. Иногда он трясся на подножке, чтобы провести сутки с нею, а в понедельник снова быть на работе.

– Ну так что же удивляться бешеной влюбленности Дунаевского?! – воскликнул Леонид Осипович. – Поверьте, я видел Веру Леонидовну на сцене не раз. Ее обожала ленинградская публика. Красавица – это не все. Она обладала актерским магнетизмом или, как теперь говорят экстрасенсы, сильнейшим полем, которое подчиняло себе всех зрителей. Ее слушали завороченно и влюблялись в нее поголовно. Про нее можно было говорить, что после спектакля молодежь впрягалась в ее карету или несла ее на руках до самой гостиницы. Вы когда-нибудь видели такое? Я тоже не видел. Но верил каждому слову Дунаевского в рассказе о Юреновой и до сих пор жалею, что не слышал его «Песню песней». Не хотел он ее показывать. И это тоже о многом говорит...

«Песня песней» впервые прозвучала в 2000 году, когда Леонида Осиповича уже не было. Отмечалось столетие Дунаевского, и его сын, Евгений Исаакович, передал музыкантам долго хранившуюся отцом партитуру его юношеского сочинения. Исполнялось оно один-единственный раз и не в Большом зале Московской консерватории, где ему полагалось быть, а в тесном помещении Культурного центра Никиты Михалкова на Гоголевском бульваре, среди публики, пришедшей отмечать юбилей композитора и подогретой праздничным фуршетом.

Куда повернуть джаз?

В одном из писем, посланных из Симферополя, где Дунаевский работал и отдыхал, он написал: «Есть одна вещь, которая меня безумно прельщает: джаз-банд в Москве. Мне положительно необходимо услышать его. Удастся ли, черт возьми?!»

Ему удалось! Правда, не Москве, а в Ленинграде, где он сразу же по приезде встретился с Утесовым и в тот же вечер слушал первую программу Теа-джаза. И пришел в неописуемый восторг.

Здесь необходимы несколько слов о творческой географии (существует и такая!) композитора. В 1924 году он перебрался из Харькова в Москву, возглавил музыкальную часть «Вольного театра», просуществовавшего, как и большинство нэповских начинаний, весьма недолго.

Затем служил в «Эрмитаже», где его еще помнили, а после окончания летнего сезона – в Театре Корша, работавшем на паях и тоже вскоре закрытом. Перешел в Московский театр сатиры, где писал музыку ко многим спектаклям, в том числе и таким, что составили славу этого коллектива, – «Склока» и «Таракановщина» В. Ардова и Л. Никулина, «Вредный элемент» В. Шкваркина, «Лира напрокат» Д. Гутмана и В. Типота. И одновременно написал оперетту «Женихи».

Последняя – событие значительное. Тот самый театр, в котором работал когда-то Утесов, где он с участием Григория Ярона и Казимиры Невяровской поставил водевиль «Вместо дебюта» и каждый вечер после спектакля они втроем играли его в двух, а то и в трех концертах; тот самый театр, что не выходил из-под прицела р-р-революционной критики, обвинявшей его в страшном пороке – пристрастии к «венщине», то есть к опереттам Кальмана, Легара, Лекока, вдруг получил неожиданное предложение.

Леонид Утесов с маленькой Эдит

Григорий Маркович Ярон в книге «О любимом жанре» рассказал об этом так:

«В начале 1927 года главный режиссер Театра сатиры Давид Гутман пригласил меня приехать к нему ночью после спектакля. Приехав, я застал у него драматургов Николая Адуева и Сергея Антимона, а также заведующего музыкальной частью Исаака Дунаевского.

– Вот какое дело, – сказал мне Давид. – У нас есть готовая комедия с музыкой „Женихи“. Она написана для Театра сатиры. Наша дирекция почему-то боится ее ставить, но, по-моему, если прибавить немного музыки, – это настоящая оперетта.

И вот Адуев начал читать, Дунаевский – петь номера, аккомпанируя себе на рояле. Разошлись мы часов в шесть утра, наметив, что именно нужно дописать, чтобы „дотянуть“ „Женихов“ до оперетты. Через день мы познакомили с нею труппу вашего театра...

По жанровым признакам „Женихи“ – бытовая русская оперетта, остроумная сатира на нэповское мещанство. Спектакль шел под гомерический хохот и аплодисменты. Рецензии назывались: „Выставляется первая рама“, „Это как будто серьезно“, „Первая советская оперетта“ и тому подобное.

Заметим, «Женихи» явились решающим шагом для создания осенью того же года Московского государственного театра оперетты. Первого государственного в стране.

Отчего же в творческой географии Дунаевского в 1929 году появился новый город – Ленинград? Ведь критика оценила «Женихов» положительно! Но не надо забывать организацию, действующую от имени компартии, руководящей силы в государстве. Да-да, все та же Российская ассоциация пролетарских музыкантов. Она не оставляла композитора в покое.

Все, что писал Дунаевский, рапмовцы честили и в хвост, и в гриву. Долго не могли отвязаться от его танго «Дымок от папиросы» – образец, по их мнению, пошлости. Хотя если и можно было обнаружить ее следы, то никак не в музыке, а в тексте. Такая же судьба постигла и «Романс старого актера». Композитора упорно называли «фокстротчиком», что приравнивалось к измене Родине. Возмущались, как такой человек может занимать официальный пост в театре, а руководство парка Красной армии посмело пригласить его к сотрудничеству! Короче: «Ату его! Ату!» – несло со всех сторон, и не только со страниц рапмовской печати. Под влиянием последней и московская цензура неуклонно вычеркивала из репертуара исполнителей любое произведение, сочиненное Дунаевским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.